

СЕРГЕЙ ПЛОТНИКОВ

Рубежник

КАК ПО ЗАКАЗУ-4

ИДДК

Сергей Александрович Плотников
Рубежник
Серия «Как по заказу», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43628047

Рубежник:

Аннотация

Охотником на чудовищ ты быть не хочешь, опасно. Бароном стал – и сразу спихнул ответственность на первую же попавшуюся девчонку. На мага начал учиться – и там всё не слава Свету: местные порядки его, видите ли, не устраивают. Ну ничего, армия и не из таких обезьян людей делала, попаданец!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	33
Глава 2	61
Глава 3	86
Глава 4	113
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Сергей Плотников

Рубежник

© Плотников Сергей

© ИДДК

Пролог

Пробиваться по раскисшей грунтовой дороге через мокрую метель, которую ветер гонит тебе прямо в лицо — едва ли не самое неприятное, что может случиться при путешествии верхом. В конце концов, когда у тебя под седлом химера скоростного класса, большая часть опасностей просто не успевает на тебя среагировать. А те, что успевают... ну, им же хуже. Потому что в седле второй такой же химеры едет моё персональное живое оружие по имени Таня. Да и сам я, честно говоря, не подарок: маг Жизни практически не может

проводить дистанционные атаки, зато прекрасно ускоряет, а при нужде и лечит сам себя. А ещё я навскидку попадаю из арбалета в “десятку” с тридцати метров, и обе “машинки” у меня, по охотничьей привычке, лежат в седельных кобурах во взведённом состоянии. Вредно для тетивы и упругих элементов дуг, но я могу себе это позволить. Ну а для тех, кому мало болта, у меня на поясе болтается сюрприз: магический метатель огня. По воздействию на цель – это что-то вроде ручного гранатомёта, только накопитель на тридцать выстрелов, а по размерам пистолет пистолетом. В общем, если кто нападёт – сам нарвётся. А вот с ветром и грязью воевать, увы, бесполезно.

Я перекинул через плечо на руку свою синюю геральдическую накидку и под этим импровизированным укрытием достал слегка потрёпанный томик атласа земель и дорог королевств. Прищурился, пытаюсь разглядеть собственноручно нанесённые позавчера отметки – пришлось посидеть в библиотеке университета, перенося данные с *нормальных* карт, изучить которые у меня наконец хватило допуска. Оглянулся по сторонам, пытаюсь понять, сколько мы успели проехать. Получалось из рук вон плохо: стены елей слева и справа от дороги выглядели абсолютно одинаково, ни одного ориентира. А если попытаться прикинуть покрытое за день расстояние “на глаз” – так мы уже полчаса как должны греться у камина в придорожной корчме, которой всё не было и не было.

Одно хорошо: дорога достаточно разбита копытами коней и колёсами повозок, чтобы не сомневаться – ведёт она как минимум к какой-то немаленькой деревне...

Выпущенная из рук пола плаща мокро хлопнула меня по спине, заставив вполголоса выругаться. М-мать! Ещё неделю назад я был абсолютно уверен, что проведу эту зиму в тепле и под крышей, выбираясь на улицу только для того, чтобы дойти от учебного корпуса крупнейшего магического ВУЗа этого мира до дома и назад. А теперь... Зато “полноценный” маг Жизни, блин! Возможно, единственный за всю историю Нессарийского университета аколит, сумевший закончить обучение за два с половиной учебных курса, а по времени – так и вообще за полтора года. И знаете, что я скажу? В гробу я видел такой экстерн! И того, кто мне “помог” досрочно выпуститься – там же! Правда, загнать дражайшего *папочку* в могилу, похоже, можно было лишь с помощью артефактомёта – *астрономически* дорогого компактного ручного заменителя танковой пушки, один *выстрел* из которого стоил, как вся моя экипировка, считая ездовую химеру. Будь он у меня при себе неделю назад – столько проблем сразу можно было бы решить одним нажатием на спуск... и чёрт с ней, с первой мировой войной этого мира! М-да. Мечты, мечты.

– Дымом пахнет! – из-под низко надвинутого капюшона наконец-то прокричала мне спутница, заставив облегчён-

но выдохнуть. Дым – это люди! И жильё – неважно какое. Любое подойдёт, только бы оставить эту мерзкую слякоть снаружи. Низкие плотные тучи и так превратили короткий зимний день в непрекращающиеся сумерки, ещё немного – и вдобавок ко всем прелестям добавилась бы непроглядная тьма. Вообще, химеры довольно неплохо видят и ночью, кроме того, у меня с собой был мощный алхимсветильник, но скорость движения в такую погоду упадёт совсем уже до пешеходной. Лучше пересидеть в тепле день-два, сохранив силы и дождавшись “окна” в ненастье. Благо какой-никакой опыт зимних путешествий по королевствам у меня уже был, и я выехал к месту будущей службы намного раньше назначенного Кристианом крайнего срока. “Места будущей службы”... твою ж мать, вот как меня угораздило, а?

Вообще, это была далеко не самая плохая идея: отправлять только-только получивших дипломы молодых магов в действующие войска. Твари Шрама представляли огромную угрозу для людей, сдерживание их – это не участие в войнушках местных корольков между собой, действительно важное дело. Кроме того, именно изменённые, порождения гигантской магической аномалии, решившие белый свет повидать и себя показать, являлись для одарённых самыми сложными противниками. Не так-то просто поджарить огненным шаром того, кто сам может колдовать. Сам видел, как мастер Огня не смог вовремя остановить своей магией болотного секача – опасную, но тупую и медленную, и в

принципе уязвимую скотину. А всё почему? Опыт, мать его, везде нужен опыт. И знания. Но опыт – важнее: теория без практики мертва. Вот и ехали недавние аколиты этот самый опыт получать. Другое дело, что их-то в отличие от меня никто не собирался засовывать на передовую!

Служба в Рубежном Войске – дело сугубо добровольное. Более того, с улицы туда кого попало попросту не возьмут. Дело в том, что рубежники в прямом смысле затыкают собой Горловину Шрама – семидесятикилометровую брешь в сплошном вале, отделяющем зону дикой магии от остального мира. Так себе отделяющем, честно говоря: те же секачи, а также дикие горные овцы, винторогие сайгаки и прочие мутанты спокойно поднимаются по пологим склонам на километр вверх и спускаются с другой стороны. Да что там: я как-то лично перебил разьевшихся под влиянием Тьмы до размеров некрупного бегемота *бобров* – эмигрантов из Шрама, решивших ничтоже сумняшеся построить себе на человеческих землях *водохранилище*. Но самые опасные гости, так уж получилось, через вал всё-таки не лезут. А вот к заставам рубежников в Горловине, бывает, заглядывают на огонёк.

Смертность среди рубежников высокая: помимо нападения тварей дикая магия опасна и сама по себе. Она как радиация – для обычных людей незаметна, а последствия... Человек ведь тоже может *измениться*. Никто точно не знает, из-за чего и в какой момент организм вдруг перестаёт сопро-

тивляться внешнему воздействию и запускается трансформация. Далеко не все, попавшие под мутации, способны их пережить. Зато те, кто смог... Мой биологический *папаша*, его светлость герцог ван дер Хорт, выглядит как двух с половиной метровый гигант, а его ручки, уверен, без напряжения могут завязать узлом рельс. А ещё он без *вреда для здоровья* пережил смертельное для нормального человека ранение в почку, причём нож после контакта с кровью генерала рубежников выглядел так, словно в кислоте побывал...

До источника запахов жилья химеры донесли нас в быстро сгущающемся сумраке. Я едва смог разглядеть внушительный частокол, на который пошли столетние ели, и ворота, которыми и замок герцога де Берга не погнушался бы. Закрытые ворота. За преградой смутно угадывался конёк крыши. Стучать рукой было явно бесполезно, я стал долбить в створку пяткой копья, почти уверенный, что меня не услышат. Если здесь такие деревья на забор пускают, то стены дома небось и вовсе толще иных каменных. Но нет, повезло. Похоже, кто-то в этот момент оказался во дворе, выбравшись из-под крыши, скорее всего, по прозаической нужде.

– Кого там несёт?! – Мокрая метель, мгновенно тающая на земле, глушила и уносила звуки, так что приходилось орать надсаживаясь.

– Путников! – Я проглотил парочку эпитетов, которыми не стоит награждать любителя дурацких вопросов, если он

находится за закрытыми дверями. — На ночь пустите!

— Шляются там всякие, — этого, а то ещё чего и похуже я не слышал, но заранее был готов простить сквернословие мужику, загремевшему запорами. Тяжёлая створка нехотя пошла вовнутрь, я разглядел мерцающий язычок пламени масляной лампы в руке у встречающего. — Заводи лошадей... твоё благородие.

Надо же, плащ, мокрой бесформенной серой в темноте тряпкой липнувший к моей спине, разглядел, глазастый.

— Это корчма? — крыша, которую я сумел заметить над воротами, оказалась не домом, а огромным навесом, закрывающим большой кусок двора и упирающимся с другой стороны в стены хозяйственных построек. Смог более-менее осмотреться я только потому, что рядом с одной из дверей висел ещё один горящий фонарь. Шикарно живут местные по крестьянским меркам, масло некуда девать, что ли?

— А ты, ваше благородие, дворец, поди, искал? — не слишком вежливо фыркнул трактирщик или кто он там был. Да ещё и “тыкнул”, чего я от простолюдинов (трезвых, а не после ночной пьянки в Белых Лепках) в отношении себя ещё ни разу не слышал. — Так нет дворцов, звиняй. Тут кроме моей корчмы ваше на тридцать километров в обе стороны только заимки охотничьи да хижины лесорубов.

Занятно как. По тону очевидно, что мужик просто так говорит, а не пытается оскорбить или нарваться на вполне закономерный от плащеносца ответ.

– Дворец, хижина – главное, чтобы тепло и пожрать дали, – в тон ответил я. – И кобыл наших нормально устроить.

Местные аристо привыкли, а меня, честно говоря, от низкопоклонства крестьян и подобострастного подхалимажа трактирщиков до сих пор воротило. Насмотрелся и заслушался, пока от монастыря Белых добирался в Варнаву и потом, когда вместе с Ланой и Мартином ехали в Лид.

– Так то дело нехитрое, – успокоил меня собеседник. – Ведите коняшек за мной, в первую голову устроим, а потом и тепло с харчами.

Конюшня оказалась сооружением не менее монументальным, чем частокол, как в плане стен, так и ворот. Я только диву давался, разглядывая при скупом свете лампы это деревянное зодчество. Об стену из бревен полуметрового охвата танком биться можно было.

– Лиственница это, – по-своему истолковав моё внимание к венцам сруба, подсказал мне хозяин корчмы. – Сто лет простоит, а потом ещё столько же.

– Вижу, построили на века, – поддакнул я. – Тяжело, наверное, было такие здоровенные бревна наверх затаскивать?

– Да просто, если умеючи-то, – отмахнулся мужик, ведя нас за собой. – Веревки крепкие нужны да помощники с руками не из задницы... А ты, твоё благородие, с юга, что ли?

Последняя фраза была сказана с некоторым напряжением.

– Да уж прям, с юга, – хмыкнул я. Можно было сказать про республику, конечно, но раз уж таскаюсь в плаще... – Королевство Зар, слышал о таком?

– Зар, Зар, – распахнул перед нами ещё одну тяжёлую дверь корчмарь. Оттуда пахнуло сухим теплом, тушёным мясом и варёной картошкой. – Да это ж тыща кэмэ отседова!

Ну, тысяча – не тысяча, но семь сотен точно есть, если по прямой. Но я-то ехал из Лида, а две скоростные химеры смогли покрыть где-то триста, пока мы не влетели в непогоду. Когда есть верховой транспорт, способный сравниться по скоростям с земными машинами, расстояния сразу перестают казаться непреодолимыми.

– У нас тоже избы крестьяне строят, – возразил я. – И зимой холодно, какой уж там юг.

– Избы, ха! – Мы прошли длинные тёмные сени и попали в удивительно хорошо освещённый общий зал. Не пустой, там уже столовались две компашки просто, но добротной одетых мужчин, по четверо в каждой. Стоило нам войти, они прекратили оживлённую болтовню, кидая на нас заинтересованные взгляды. – Да у вас там леса нормального-то и нет, а где есть – тот без герцогской указки попробуй тронь. Ветки да шишки собираете, чтобы печи топить.

– А у вас тут не так? – Чтобы попасть к Горловине, от республиканской территории надо было двигаться не на восток, а на запад, причём по возможности держаться севернее, иначе получалась изрядная дуга. Может, летом было даже при-

ятно попутешествовать, но зимой – точно нет, потому я сразу выбрал для движения самый северный королевский тракт в нужную сторону. Поправка: самый северный из тех, на которых была отмечена хоть какая-то гостиничная инфраструктура.

– Да у нас этого леса хоть жо... – Трактирщик кинул быстрый взгляд на стянувшую капюшон и оставшуюся в вязаной шапке Таню быстрый взгляд. – Завались просто. А барончика нашего палками надо бить, чтобы он в нашу сторону хоть посмотрел. А чтоб приехал – связанного везти надо! У нас же тут граница под боком, чудовища стадами ходят страшно-ужасные, и кроме леса и нет ничего.

Мужики, прислушивающиеся к и не думающему понижать голос корчмарю, одобрительно захмыкали, а кое-кто негромко рассмеялся. Если верить картам в университетской библиотеке (моему атласу точно нельзя было), до вала Шрама отсюда было километров сто. То есть примерно на таком же расстоянии от границы находился республиканский полис Миракия.

– Вы это, садитесь, да одёжку промокшую поближе к печи повесьте пока, а я пока ужин на стол наметаю, – предложил хозяин заведения. – Ну а там чего спросить ещё захотите, расскажу. Ночь всё-таки, больше никто не припрётся.

Логично. Я мысленно усмехнулся: дворянин, живущий пусть даже всего на сто километров южнее, за рекомендацию снять гербовую накидку в общественном месте уже хватал-

ся бы за меч. Ну или как минимум за плётку – отстегать по-смеившую раззявить на него свой поганый рот чернь. А всего лишь чуть ближе к Шраму, и уже закон – тайга, а прокурор – медведь. Точнее – тварь. Как хорошо, что мне все эти заморочки со статусными тряпками до одного места.

Печь в корчме была роскошная: целая стена помещения служила её горячим боком. Там же и вешалка стояла – самое то, чтобы быстро обсушить куртку или плащ. Моя, впрочем, в сушке не нуждалась: серая с мелким рельефом кожа мутанта, пошедшая на её верхний слой, не намокала в принципе, да и прорезать или пробить её нужно было постараться. Сильно постараться, потому что в толстенную подкладку были интегрированы бронепластины. Разумеется, под такой многослойной бронёй тело не дышало, сразу бросало в пот, потому климат-контроль обеспечивали встроенные амулеты воздуха и воды с запиткой от магии Жизни. К куртке прилагались такие же брюки и ботинки – полный комплект средней брони из Рении. Не тот “скафандр”, который я видел на одном из тамошних охотников, но немногим хуже. Минус один: кондиционирование выдувало с влагой лишнее тепло: самое то, когда надо активно двигаться, а вот после десяти часов в седле хочется всё-таки оказаться в атмосфере пожарче. Вентиляцию, конечно, можно было отключить и согреться, но потом удовольствие от вновь заработавшего магического ветерка на коже было сильно ниже среднего. Лучше уж потерпеть...

– Гля! Девка в доспехах! Да чудных каких, – громко оповестил всех голос от одного из занятых столов, стоило Тане избавиться от длиннополой куртки. Защиту для химер делали модульной и не сплошной, чтобы не стеснять их стремительных движений и легко подгонять под текущую задачу.

– Сама тощая да мелкая, а, гляди, туда же, – тут же с осуждением откликнулся другой.

– Никак его благородие охраняет, – подсказал третий юморист, ничуть не смущаясь, что я повернулся и смотрю прямо на них. – От клопов!

– Бреешь, – немедленно ввязался в спор второй, оказавшийся серьёзным пожилым мужиком. У его пояса висел кинжал, только немного не дотягивающий до размера короткого меча. – Отродясь у нас тут не было клопов. Всегда ж пижму сушёную под матрас кладём, какие клопы?

– Так то не у нас, а у них, на ю... – А любитель похохмить ожидаемо оказался плюгавым дедком со всклоченной бородкой. Он, похоже, любил потрындеть, и язык его уже не раз, судя по свернутому набок в давней драке носу, доводил до неприятностей. Вот и сейчас довёл. Сказать и уж тем более сделать, правда, я ничего не успел: он сам вдруг выпучил глаза и нутужно закашлялся. Один, потому как остальные дружно застыли и, кажется, дышали через раз. В мёртвой тишине слышны были только надсаженные хрипы, пока сосед не извернулся и не двинул дедка по спине. Я просле-

дил за общим направлением взглядов: они все смотрели, как Таня с наслаждением встряхивает примятыми шапкой, зато не замёрзшими звериными ушами.

— Это самое... — поднялся с лавки тот, кто отпустил первый комментарий. Похоже, он был за главного во второй компашке, а в первой — рассудительный мужик, разбирающийся в растительных инсектицидах. — Твоя, ой, то есть *ваша* светлость, простите нас, пожалуйста. Не со зла, просто из дури деревенской языки распустили. И ты, дева битвы, уж прости нас, а?

— “Благородие” а не “светлость”, — машинально поправил я, наблюдая, как мужчина низко кланяется, а вслед за ним с опозданием заполошно вскакивают и кланяются остальные. Дедка, оказавшегося самым тупым, его товарищ просто спихнул пинком с лавки, уронив на четвереньки. Я переглянулся с напарницей и качнул головой. — Ладно, забыли. На первый раз.

— Благодетель! — проблеял с пола дед, за что получил пинок под зад.

— Химера! — громко удивился зашедший в зал с подносом в руках именно в этот момент хозяин корчмы. Разумеется, он обратил внимание и на остальных посетителей: — Вы чего, придурки, *ушастую* обидеть умудрились?! Ваша светлость, если ваша спутница будет обалдует этих бить, уж попросите её во дворе это делать. Там всё равно дождь, а здесь я заму-чаюсь кровь оттирать.

Мы с Таней опять переглянулись, после чего она сама повторила:

– Не собираюсь.

Химера задумчиво посмотрела на поднос, крылья её носа едва заметно шевельнулись... и через секунду еда была уже на нашем столе.

– Кушайте, кушайте! – едва ли не проворковал трактирщик, стоило нам сесть и взяться за столовые приборы. – А я сейчас мигом остальное!

И он принёс. Столько, что мы потом едва выбрались из-за стола: разносолы были простые, но дико вкусные, и их было *много*. И всё время, пока мы насыщались, остальные посто-
яльцы старательно притворялись ветошью.

* * *

Комнату на втором этаже, выделенную нам под ночлег, Таня старательно обнюхала. Я бы даже сказал, демонстративно старательно, особенно постель. Чихнула, забавно наморщив носик, приподняла матрас, полюбовалась на сушёную зелёную ветку с жёлтыми цветами-шариками на досках каркаса кровати – ту самую пижму – и только после этого успокоилась.

– Насекомых нет, – с серьёзным лицом сообщила мне она.

Я только головой покачал: после того, как мне удалось пробить стену отчуждения, выстроенную бывшей лабора-

торной химерой вокруг себя, её пристрастие к чёрному юмору по большей части сошло на нет. Но иногда... м-да. Впрочем, клопов волкоухая искала вполне серьёзно: новая угроза же. В Лиде о домашних насекомых-паразитах я и слыхом не слыхивал, соответственно и не получившая классического для живого оружия воспитания и образования напарница тоже.

До того, как мы установили... *близкий контакт* на спине мёртвой лисицы-хаски, пробел в профессиональной подготовке моё живое оружие как-то не беспокоил: Таня жила по принципу “делай что скажут, будь что будет”, привитому предыдущими хозяевами. А вот после – волновать начал, да ещё как! Вплоть до посещения *расположения* стражниц-пограничниц Нессарии, где её допускали до тренировок на полосе препятствий для химер. Не просто так допускали, кстати, а... за бантики. За их ношение, точнее.

Если к платьям моя волкодевушка теперь относилась благосклонно, вне боевой обстановки, конечно, то эти украшения почему-то всё так же ненавидела. Но терпела, как и сюсюканье: низкорослая по сравнению с обычными разумными химерами, Таня будила в немолодых соплеменниках нарастраченные материнские инстинкты. Нетрудно догадаться, что именно таких опытных стражниц и ставили на должность офицеров, в ведомстве которых была и инфраструктура их базы. А что касается обеспечения моей безопасности и ликвидации угроз...

Разговор между Таней и Роной мне услышать не удалось, но по общей взъерошенности обеих и по до предела серьёзной мордашке эльфийки-менестреля трудно было не догадаться, о чём он был. Фирониэль, конечно, расстроилась, что ей придётся вернуться в Миракию. Но стократно моя ушастая прелесть расстроилась и распереживалась, узнав, *куда* я еду и в каком качестве. Все доводы, что я, вообще-то, охотник-профи и с тварями на “ты”, особо на неё не подействовали: слишком уж вокруг Горловины ходили слухи один другого краше. А кто знает слухи и сплетни лучше менестреля? Вот и требовала Рона, улучив момент, когда меня нет рядом, с химеры обещание защищать и охранять. Как будто Таня сама необходимости этого не понимала...

Прощание с любимой эльфийкой в спальне моего миракийского коттеджа за два дня до отъезда из республики вышло бурным. Я видел, что девушка хотела у меня что-то попросить, но... всё-таки не решилась. У меня было предположение, что именно ей пришло в голову, но переспрашивать тоже не стал. Ребёнок... Печать подчинения на рабыне по умолчанию блокирует зачатие, но хозяин может по желанию запрет снять. Наверное, я бы даже согласился – чем грустить и переживать обо мне, пусть лучше моя остроухая прелесть нянчится с малышом. Тем более пелёнки менять можно (и нужно!) Лану заставить. Опять же, пока мама пойдёт выступать в таверну, будет с кем младенца оставить. Мо-

лодая мамаша сама бы не заметила, как пролетели три года моей практики. Тем более что денег ей хватило бы, даже если бы Фирониэль полностью забросила музыку.

К сожалению, чтобы зачатие произошло сейчас, блокировку нужно было отключать минимум за три месяца: примерно столько “перезапускается” женский месячный цикл после отмены противозачаточного воздействия¹. Да, я уже думал о детях и много – правда, без постановки сроков. Раз уж решил, что крепкая семья для меня на первом месте в списке того, чего я хочу добиться в жизни. Правда, планировал сначала как минимум доучиться, разобраться с нашим новым общим домом хотя бы в плане места его постройки и обеспечить постоянный надёжный доход чем-нибудь отличным от охоты: накопления накоплениями, но думать-то о будущем надо. Кто же знал, что у меня будет такой сверхэкстренный выпуск из университета?

Что касается денег, то конкретно сейчас с ними вообще никакой проблемы не стояло: я продал все оставшиеся неиспользованными биоматериалы в НПО, в котором продолжал числиться, в том числе и те, что для меня закупал универ. Полученную сумму разделил пополам: одну часть Роне на хозяйство, а на вторую купил ещё одну скоростную химеру

¹ Реальный факт. Конечно, в нашем мире нет магии Жизни, зато есть фармакологические противозачаточные средства пролонгированного воздействия. Именно так и обеспечивается временная блокировка женской фертильности: подавлением месячного цикла. В некоторых случаях такую терапию назначают по медицинским показаниям.

для Тани и недостающие вещи и припасы в дорогу. Остатка моей части золота, учитывая цены королевств, хватило бы не только дом – свой собственный небольшой замок построить и жить там три года припеваючи. Потому я решился на ещё одну покупку: летающего почтальона.

Забавная зубастая пернатая ящерица была не чета моим поделкам на лабораторных по химерологии: могла запоминать две точки привязки и свободно перемещаться между ними, и никакие башни-химерятни ей не были нужны. Одну точку я определил в коттедже Миракии, вторую предстояло наметить по приезду и размещении. Впрочем, умная химерка могла легко перезапоминать место старта при необходимости.

Светить покупкой, которая королям впору, я, разумеется, не планировал. Сейчас почтальон спокойно себе спал глубоким магическим сном в одной из сумок. Две другие сдельные сумки были забиты книгами и бумагами: материалы по амулетостроению, продвинутой химерологии и так далее, включая обещанное описание методики консервации возраста. Передавая мне папку с переписанными от руки листами описания своей магистерской научной работы, декан мимоходом предложил подумать “по-своему” над возможной модернизацией способа не стареть. М-да.

– Пойду спущусь, закажу вина, если оно тут есть, и попробую разговорить хозяина, – мысленно задвинув приятные и

не очень воспоминания, уведомил я о своих планах. – Раз уж он обещал, надо воспользоваться. Устраивайся пока, я постараюсь не задерживаться.

Таня без энтузиазма кивнула. Разумеется, напарница не могла не заметить, как на неё реагировали местные.

– Если что, я буду рядом через три секунды, – пообещала она, показательно шевельнув чутким ухом.

Зал корчмы к тому моменту, как я туда вернулся, порядком опустел. Всё-таки простой люд и в другом мире живёт по пословице “кто рано встаёт, тому бог подаёт”. Только здесь вместо бога – Свет. В справочнике по истории и географии из публичной библиотеки Миракии про Белую Церковь было написано “самый популярный из культов”, вот только что-то я даже намёка на другие религии не заметил, пока путешествовал по городам и весям во время эпопеи с наследством... Так, опять думаю про всякую фигню, надо сосредоточиться.

Одна компашка полностью рассосалась по своим комнатам, оставив за столом задремавшего дедка-приколиста, от второй остались двое. Мужики, которых я принял то ли за “двоюродных” коллег-охотников, только на нормального зверя, а не на тварей, то ли за лесорубов, оказались вообще непонятно кем. Выложили на стол бумаги и активно, но тихо над ними шептались, выкрутив фитиль ближайшей лампы, чтобы светила поярче. Корчмаря в общем помещении не было, пришлось идти за ним на кухню: почему-то в королев-

ствах барные стойки не использовали как класс. Хотя в той же Нессарии те же трактирщики с удовольствием стояли за стойкой. Загадка...

– Вино? Как не быть! Сам делаю, ягодное, из черники есть, а есть из ежевики. Лучше иного виноградного, ваша светлость. – Мужчина явно обрадовался возможности отвлечься от дел по хозяйству.

– Я не “светлость”, я простой барон, – усаживаясь за стол, в очередной раз открестился от герцогского титула. – Ещё и безземельный притом.

– Как прикажет ваше благородие, – весело хмыкнул трактирщик, не чинясь, присаживаясь на лавку с другой стороны стола и разливая густо-фиолетовый напиток по пивным кружкам. Похоже, он мне ни на грош не поверил.

– Сам подумай, стал бы герцог мотаться по вашим краям без свиты, с одним сопровождающим?

– Пфф! Да ушастая ваша всей свиты стоит, – махнул рукой собеседник, с удовольствием отпивая из своей кружки вино, словно воду. – А если по деньгам пересчитать, что вы ей платите, так дороже. Не знаю и знать не хочу, сколько вы ей отвалили, что она себя так спокойно ведёт. Ишь, даже не размазала никого по полу за дерзость.

– У меня... наверное, мало опыта взаимодействия с разумными химерами, – осторожно “признался” я. В принципе, и не соврал: только с Таней и общаюсь. Юм, Ронина по-

дружка, не в счёт: не так уж часто эльфийка затаскивала её к нам в нессарийскую квартиру в гости. – Неужели они настолько агрессивные?

– Не агрессивные, – внимательно посмотрев на меня, качнул головой корчмарь. Видимо, оценив моё молодое лицо, поверил, что я действительно могу не знать. – Просто вспыльчивые. Косой взгляд проигнорируют, а вот слово лишнее сказал – сразу кулаками махать. Прямо при мне одного самоуверенного идиота в плаще избили, даже вытащить меч не успел, рыцарь хренов. А мы потом его из доспехов впятером доставали – так металл погнулся.

– Ничего себе, – только и оставалось, что пробормотать мне. Вот это имидж у республиканского живого оружия за границей!

– Повезло вам с вашей ушастой, будете продлять контракт – не соглашайтесь на замену... ваше благородие, – добродушно посоветовал мне хозяин заведения. – Договор ведь на защиту подписывается или там доставить что-то куда-то, про команды там выполнять – ни слова. Если ушастая кого охраняет – она не тронет, конечно, но и слушать будет только тогда, когда сама решит, что так правильно.

– Буду знать, спасибо, – медленно проговорил я. Образ всегда корректных стражниц Нессарии и пограничниц на пунктах транзита со щелчком сложился с описываемым образом диких оторв со звериными ушами, которым сам чёрт не брат. Контракт, ну конечно.

Я ведь знал, что Лид не продаёт разумных химер, но их можно нанять на время, поштучно или сразу отрядом. Похоже, республиканцы не особо афишировали, что живое оружие по сути привязано к хозяевам совершенно точно так же, как рабы. Это для меня была очевидная информация, а вот для других звероухие республиканки были кем-то вроде отдельного народа, пусть даже и искусственно выведенного. Ну а что, для средневековых как феодалов, так и простолюдинов магия – это способ делать чудеса. Кто знает, на какие фокусы эти жизнюки из Лида способны, особенно когда кушей соберутся?

Хм. А ведь тут без кого-то, хорошо разбирающегося в прикладной психологии, явно не обошлось. Разбирающегося не на уровне “а давайте пройдем тест для проверки работы Печати, если всё хорошо – само пройдет”. Ведь поработали с формированием общественного мнения, брендированием, если в современных земных терминах. И как поработали-то! Ведь разумные химеры, воспитанные в повиновении владельцу и уважению к другим гражданам и их собственности, просто так колобродить не будут. Явно перед “сдачей в аренду” проходят целенаправленный инструктаж, причём один и тот же, по методичке. И с каждым наймом группы и одиночки продолжают укреплять и нарабатывать нужный образ. Очень удобный образ, надо признать.

Конечно, за пределами Лида есть те, кто знает про уша-

стых правду, те же Белые. Но остальные-то свято уверены, что в республике живёт целый народ звероватых женщин, способных порвать даже не за оскорбление – намёк на него. А как они будут родину защищать? Всяко лучше, чем какие-то там рабы. Рабы ведь в представлении незнакомых со спецификой работы Печатей дворян кто? Крестьяне и ремесленники, только ещё более забитые, чем обычные, что боятся и слово поперёк хозяину сказать, и в другом перечить. Какие из таких бойцы? Да никакие. А вот химеры – они даа... Что я могу сказать? Тонкая и изящная манипуляция, заставляющая как минимум окрестных корольков смотреть на республику с опаской, а не как на кусок истекающего аппетитным соком хорошего стейка на решётке-гриль. А заодно и “гости столицы”, рыцари и прочие дворяне в Нессарии до дрожи боятся привлечь внимание стражниц, а если что – то беспрекословно выполняют их распоряжения.

Кста-ати, если уж следовать до конца той же логике – не стражниц ли как раз выпускают порезвиться за границей через бюро найма? Снять характерную броню – и хрен кто догадается, кто они такие. Так и проще, раз уж вопрос, подобно многим другим в республике, регулируется на государственном уровне. Как раз можно с вероятным противником сойтись в любой обстановке: близкой к боевой, так и в мирной. Врага ведь в лицо знать надо, и учиться, если что, не зазорно. Тогда и побочный эффект в виде повышенной ехидности отдельных пограничниц вполне объясним: после полного по-

гружения в образ что-то в характере да остаётся. Но служить не мешает, потому никого не волнует.

А ведь такой образ ушастых – очень удобный на самом деле. Нужно проинструктировать Таню. Во-первых, нефиг выделяться, раз уж еду в плаще, а не в мантии, а во-вторых, это дарит куда большую свободу действий. Так, уже не зря попить вина сходил.

– Чего спросить хотел, – поболтав остатками вина в кружке, исподлобья кинул взгляд на трактирщика я. – Когда сюда ехал, думал, здесь всё как дома. До тех пор думал, пока на твой постоянный двор не наткнулся. Ты человек бывалый, я вижу...

Тут я мысленно скривился: это же надо было такую штампованную фразу выдать! Словно в плохом фэнтези или того хуже – в ролевой компьютерной игре.

– ...Короче, можешь объяснить, что здесь к чему? – не стал дальше крутить я.

Честность – лучшая политика. Когда себе можешь её позволить, конечно. А я однозначно мог: держать лицо и корчить из себя невесть кого мне сейчас было не нужно. Может, в иных условиях тот же самый тип, что поит меня сейчас вином, и мог бы задумать чего неприятное против залётного дворянчика – хотя бы в теории. Или хотя бы начал намекать на вознаграждение непосильных трудов языком, что скорее. Однако ушастая за моей спиной – самая надёжная гарантия

чистоты намерений.

– Мм-м... – Мой вопрос заставил собеседника задумать-ся, но он определённо понял, что я хочу узнать. – Если корот-ко совсем, ваше благородие, то свободнее людям здесь жи-вётся, чем в том же Заре вашем. Из Шрама твари лезут, а пе-ред тварью все равны, не посмотрит-то она на титул, вместе с ним и сожрёт. Королевства северные, конечно, свои гра-ницы аж до самого вала, бывает, рисуют – так кто ж с них спросит-то? Чудовища карт не имеют, а люди... Куда гвар-дия доходит, ежли что, монстров одиночных выбивать – там и налоги собирают. А куда нет – так для тех деревень коро-ля, считайте, тоже нет, своим умом живут да всем миром от-биваются. Да и на вольности дворянские те, кто поближе к Шраму, с прибором ложили!

Мужик осёкся, покосился на меня – как, не обиделся ли? Убедился, что нет, и уже осторожнее продолжил:

– Правда, если кто своим плащом да гербом кичиться не станет, вот как вы, ваше благородие, так и в ответ не получит зла. Перед лицом Тьмы проклятой люди все братья – и чем ближе к этой самой Тьме живёшь, тем крепче понимаешь это. Рубежники-то, как говорят, если со службы уходят – до самой смерти всем помогают, только попроси, да и чинов для них ровно нет.

– И много народу живёт... – Я наконец доцедил вино, и корчмарь предупредительно подхватил кувшин. – Свободно от королей?

– Да прилично, – удивил меня собеседник. – Почитай, столько же, сколько и под королём в том же королевстве. Чудовище-то в одиночку не одолеть, и малой ватажкой тоже только чудом. А если тын высокий и крепкий, деревня большая и хотя бы каждый второй мужик в руках лук держать умеет, а остальные за дротики и камни возьмутся – тут и конец придёт хоть кому. Ну или так наваляют, что монстр и сам сбежит.

– А чем живут эти... свободные большие деревни? – Гм! Насчёт “в одиночку не одолеть” и “сам сбежит” я бы поспори́л. Но... лучше я послушаю, что мне тут напойут дальше. – Твари ведь, я слышал, посевы изрядно портят.

– Портят, бывает, – остро глянул на меня трактирщик. – Потому кто лес валит и сплавляет, дары леса промышляет, да вот хотя бы то же масло жмёт светильное...

– А кто и просеки делает, да дороги правит по мере надобности, – вдруг дошло до меня. Пятидесятикилометровая зона вдоль вала Шрама, можно сказать, ничья – королевской власти тут нет. Зато дороги – есть, и хорошие по местным меркам дороги, даже в карте как тракты отмеченные. – Ещё те, кто по дорогам *возит*, и те, кто обеспечивает логистику. Вроде ночлегов и опорных пунктов одновременно, где и от твари отсидеться можно, и всякие плащеносцы не достают. Так?

Я невольно покосился на стол, где двое лесорубов, точнее

полноценных лесничих, только, так сказать, самозанятых, продолжали корпеть над схемами вырубок. Вот что все эти линии и штрихпунктиры, мельком мною увиденные, обозначали. А что, удобно: тащи себе контрабанду без налогов на каждой границе и унижительных многочасовых досмотров. Хоть через весь континент тащи с запада на восток и назад – только в одном месте территория Лида перекрывает маршрут движения. Удачно перекрывает, вклиниваясь в транзитные схемы. Впрочем, уверен, давно нашлись добрые граждане (скорее всего, с дипломами университета Нессарии в кармане), обеспечивающие сквозной трансфер через республику. За долю малую, разумеется, не бесплатно. Зато Лид – единственное место на всём “северном пути”, где риск встретить тварь посреди дороги равен нулю.

– А что, если и так? – вскинулся было корчмарь, но быстро сдал назад. – Ваше благородие, вы не думайте, что мы только для себя стараемся. Гвардия, если совсем уже прижмёт соседей, по тем же дорогам перебрасывается, нету здесь других дорог, на севере. И Белые ими же регулярно пользуются, по ним разъезды паладинов проходят. И храмы в деревнях тоже не пустые стоят – значит, не делаем мы для людей ничего плохого, так-то!

А я-то всё гадал, что за деревня такая у Маши была, что через неё паладины то и дело мотались, а целый высокопоставленный клирик Митчел приехал спокойно долговремен-

ные социальные эксперименты ставить. И барон, который вроде и есть, но при этом Маша про него только от отца и слышала. Вот *теперь* всё встало на свои места. Включая то, почему трактирщик жжёт дорогое масло ночь напролёт только для того, чтобы посетители не промахнулись мимо двери сортира.

Глава 1

Наутро на удивление распогодилось: совершенно нехарактерное для зимы чистое небо ласкало глаз глубокой синевой – летом такого и не увидишь. Потому мы, к явному облегчению заспанного корчмаря, даже завтракать не стали, стараясь не упустить неожиданный подарок судьбы. Поели всухомятку, не слезая с сёдел, примерно через два часа пути, чуть притормозив, и опять перевели химер в стремительный галоп. Нужно было, пока погодные условия к нам благосклонны, проделать как можно большую часть пути. Правда, прежде чем ускоряться, я, поколебавшись, всё-таки стянул с плеч синий геральдический плащ, мигом превратившись в чужих глазах из странного, непонятно чего забывшего в приграничье одинокого аристократа с телохранителем в молодого наёмника в компании напарника.

В любом другом месте королевств такой поступок был бы, мягко говоря, неумным. Законы и правила вроде как формально защищали не только благородных, но и чернь... немножко. Но даже это “немножко” ни в грош не ставилось дворянами. Вот в составе группы “солдат удачи”, особенно если командир был при накидке, обычно не трогали, а к одиночке как пить дать полез бы если не первый встречный плащеносец, так второй точно. И был бы, кстати, в своем праве – любой суд благородных это подтвердит, даже если истец

персональный враг их монарха.

Сословная солидарность, она такая. Даже если окажется, что второй участник инцидента – не простолюдин, просто снял геральдический символ. *Особенно* в этом случае – дворянин мог разгуливать голым по улице, но в накидке, и это не посчитали бы особым бесчестьем. А вот наоборот – очень даже. К счастью, мне заморочки в виде влияния *одежды* на честь были чужды, потому ничего не мешало проявить здравый смысл, используя полученную вчера вечером информацию. Синий плащ отправился туда же, где ждала своего часа мантия. Как выяснилось буквально через полчаса – это было правильным решением.

Деревня с прозаическим названием Дубки, отмеченная в моём замечательном атласе точкой рядом с трактом, на деле занимала площадь, равную замку де Берг. Именно *замку*, не дворцу. И укреплена была лишь чуть хуже: залитый по зимней погоде ров, частокол из столетних стволов, как выяснилось при проезде через ворота – двойной. Между рядами была засыпана утрамбованная глина, делавшая стену не только пригодной для движения по ней хоть на лошади, но ещё и почти такой же прочной, как каменная. Я бы не удивился, если бы увидел метательные машины, но чего не было – того не было. И башни были не башнями, а скорее поднятыми повыше наблюдательными площадками. Остановить нас на воротах никто даже не стал пробовать – я уже не говорю о

столь любимом городами “воротном сборе”. Внутри же мы с Таней и вовсе почти сразу же смешались с местными жителями – напарница была в шапке, и о её нечеловеческой природе никто не догадался.

Не скажу, что таких, как мы, отменно снаряжённых типов было полно, но внимание к себе мы привлекали исключительно этим. Особенно когда я догадался спешиться и взять кобылу под уздцы: понял, что кроме нас никого верхами не было. Выглядящие тонконогими, изящными, грязно-серыми (во весь опор по мокрой и грязной дороге скакали) лошадьми Вспышка и Зайка обращали на себя взгляды даже непосвящённых в тонкости химерологии прохожих своей статью. Ещё вызывала мужской интерес (фу, блин!) моя серая композитная броня. Стайка ребятишек было пристала, наперебой громко споря и пытаясь угадать мою профессию. Сошлись на курьере – и тут же отстали, углядев что-то в глубине рыночных рядов.

Да, Дубки, похоже, служили местным торговым хабом или чем-то вроде того. Или тут в каждой большой деревне так, пока не знаю. В любом случае процесс торговли шёл довольно бойко – в этом мне пришлось убедиться самому, так как для пересечения оседлавшей тракт деревни через рынок приходилось пройти так и так. Этакая “деревенская хитрость” – наивная, но при этом эффективная: пытаюсь обойти стихийно образовавшийся затор из повозок на дороге, я свернул в ряды.

- Мясо, мясо! Парная говядина!
- Дичь, сегодня бегала и летала!
- Лучшие клинки! Ножи, наконечники, остря!
- Сушёные грибы, милок. Да какие поганки? Сама собирала!
- Эй, воин! Едешь в Горловину – купи у меня снадобья! Кровь затворить, хворь остановить – глядишь, и жизнь спасёт.

Я почти успел пройти мимо негромко окликнувшего меня мужика (попробуйте быстро куда-то идти в толпе с лошадыо на поводу), но на последних словах резко развернулся назад. Может, конечно, я и не освоил до конца химеростроение, а в амулетах мне ещё предстояло самостоятельно разбираться практически с нуля, но что касается медицины – тут я считал себя достаточно квалифицированным виталистом. Приходилось мне и “затворять раны”, и операции делать – причём на людях и в условиях, далёких от стерильной операционной. Без наркоза, с одним скальпелем, практически вслепую – с освещением в “клинике” лекаря Тохи из Эпии тоже было не очень. В общем, в прикладной медицине я разбирался, но никогда не отказывался узнать что-то новое.

Например, в Нессарийском университете никто не преподавал аколитам пластическую хирургию и косметическую медицину (морщины там разгладить на лице, задницу “подтянуть” и всё такое). Научил меня этому всему молодой пер-

вокурсник Пак, за время неофитства освоивший эту прибыльную специализацию и продолжающий вечерами после занятий подрабатывать... в борделе. Союз был взаимовыгодным: маман заведения предоставляла для ценного партнёра кабинет и возможность наживаться на залётных аристо, а её девочки всегда отменно выглядели, служа виталисту, так сказать, витриной. В общем, полезный был опыт раз в неделю помогать Паку в обмен на его помощь с лабораторками по физиологии. Всё знать, конечно, не выйдет, но стремиться к этому надо непрерывно. Один Свет ведаёт, что и когда может пригодиться.

– Как догадался насчет Горловины? – поинтересовался я, разглядывая выставленный на обозрение ассортимент торговой точки. Ну... наверное, с некоторой натяжкой прилавок мужика можно было назвать “аптекой”: сушёные травы в мешочках, изогнутые хирургические иглы (грубые, со следамиковки, но вполне рабочие) и мотки нитей из жил, вручную нарезанные бинты. Рядом с мешочками с целебным сеном выстроились разнокалиберные пузырьки и бутылочки, по большей части керамические – по сути те же травы, только в другой форме, в настойках. Наверняка, если поискать, то под прилавком найдётся местный крепкий самогон в больших количествах: одновременно и обеззараживающее средство, и универсальное обезболивающее, и, если надо, наркоз – зависит от дозы.

– Да я таких ребят, как ты, знаешь сколько за последние несколько месяцев перевидал? – хмыкнул продавец. – Почитай, как осень началась – толпами потянулись, стоило новому Генералу только клич кинуть.

Словно “генерал” доморощенный провизор выделил интонацией, словно произнеся с большой буквы.

– Вот прямо так и толпами? – демонстративно усомнился я, взвешивая в руке горшок с надписью “порошок зубной”. Пожалуй, из всего представленного ассортимента это было самое действенное средство, не считая спирта в крепком самогоне. Профилактическое средство, разумеется: в случае проблем с зубами жителей королевств в лучшем случае ожидали невероятные ощущения у городского дантиста. *Болевые* ощущения, я имею в виду. Впрочем, чтобы гарантировано испортить себе аппетит и настроение, достаточно было просто посмотреть на инструменты здешнего зубного врача. Какое счастье, что Печать избавляла от большинства проблем с зубами, а на другие случаи в Лиде были в качестве врачей маги Жизни!

– Мне что, делать больше нечего – только басни прохожим рассказывать? – столь же демонстративно “оскорбился” мужик. – Все прошлогодние запасы смели, веришь, нет? Смотри, всё свежее, только этим летом да осенью заготовленное. Вот настойка календулы – от простуды горло полоскать самое то, а вот сушёная черника от медвежьей болезни. А ежели наоборот прихватит – вот рябина, воин, самое то!

Я без энтузиазма кивнул. Не сказать, что я теперь разбирался в фармакологии, скорее наоборот – аптекарское дело в республике не развивалось совершенно. Ещё одна медицинская дисциплина, оставленная за бортом Печатями и доступными гражданам врачами-виталистами. Зато кое-какие сведения я почерпнул из курса ботаники, потому всё-таки мог оценить сделанное мне “щедрое” предложение.

Лекарственные растения были... ну, не совсем уж бесполезны. Скажем так, у “народной” медицины была своя ниша применения. Травы, правильно собранные и засушенные, действовали – только, к сожалению, медленно и слабо. Полоская рот разведённой настойкой календулы, действительно можно было облегчить течение простуды и унять кашель, а употребив килограмм-другой рябины (особенно немойтой!) обеспечить себе пару часов отдыха в “будке задумчивости” на свежем воздухе. Но. Вещества из трав не уничтожали бактерии, то же воспаление лёгких стабильно сводило в могилу пейзажистов из королевств в двух случаях из пяти, лечились они или нет. Сами крестьяне считали иначе, но статистику было не обмануть. Заваривать зверобой и пустырник от излишней нервозности – это можно (не без побочных эффектов), но остановить сердечный приступ настойкой из боярышника можно было даже не пытаться. Мочегонные сборы помогали от отёков, но не могли вылечить отмороженные почки. И так далее, далее и далее. В общем, к сожалению, ничего нового

и полезного у аптекаря я не увидел.

– Эй, псс, это ещё не всё! – Видя, что я потерял интерес и собираюсь уходить, продавец перегнулся через прилавок и зыркнул вправо-влево. – У меня есть кое-что посильнее...

– Не интересуется, – с брезгливой гримасой отрезал я. Стоило догадаться: где фронтир, там и наркота. И как только дотащили сюда с юга-то, а? На севере-то ни мак опийный, ни конопля не растут. Вроде корчмарь говорил, что в деревнях всегда есть Белые? Не поленюсь и пожертвую получасом – зайду в церковь и стукану на сволочь. Клирики наркоторговцев ненавидят едва ли не больше, чем тварей. Настолько, что наркотрафика в северных королевствах просто нет, и жители про опий и каннабис и слухом не слыхивали. А вот на юге, по слухам, рассказанным мне всё тем же болтуном Паком, между клириками и наркоторговцами идёт настоящая необъявленная война. Ещё одна причина, по которой монархии южных королевств относятся к сотрудничеству с Белыми без энтузиазма.

– Это не то, что ты подумал! – Видимо, моё лицо было достаточно красноречиво. – У меня есть *живая вода* от настоящей ведьмы!

– “Ведьмы”? – скептически переспросил я. Это словечко я в первый и, кажется, последний раз услышал на пьянке в Белых Лепках, когда местные так насвинячились за мои деньги, что начали плести откровенные сказки и небылицы – те, кто

ещё мог говорить. Чёрт дёрнул меня спросить про магов: понарасказывали мне такого, что Гоголь отдыхает. В том числе проскочило несколько незнакомых терминов, которые я, на свою голову, решил прояснить. Одно из неизвестных баронету Арну слов оказалось обозначением... гм, *задней* любви (не спрашивайте, как это относилось к магам), второе связано с... нет, пожалуй, даже повторять не буду, а третье я в итоге перевёл для себя как “ведьма”. Классическое “сварить порок, разлить по банкам любовь, заткнуть пробкой успех”. Опять же порчи, сглазы, проклятья – как оказалось, людям, живущим в мире настоящей магии, тоже в жизни не хватало чудес. Желательно страшненьких – для пущего адреналину. Тьфу.

– Какие же вы все недоверчивые, – пожаловался мне “проvizор”, вытаскивая из-за пояса нож... и перечёркивая остриём себе запястье! Болезненно сморщившийся продавец под моим ошарашенным взглядом здоровой рукой достал из под прилавка стеклянную толстостенную бутылочку, поддел пробку и скупое вылил на набухшую кровью рану несколько капель тягучей жидкости. Эффект заставил меня натурально выпучить глаза: кровь за считанные мгновения свернулась! А когда оставивший ёмкость торговец повертел повреждённым запястьем, бурая корка отлетела хлопьями, открыв свежий, но совершенно заживший шрам.

– Руку! – Не ожидавший, что я на него рывкну, торгош машинально протянул ладонь и чуть не влетел носом в свой

товар – я без затей дёрнул его на себя. Поднёс поражённое место к глазам, не обращая внимания на очередное “Эй, эй!”, коротким импульсом влил толику Жизни в чужую руку. Нитка шрама была настоящей – свечение словно втянулось в поражённую зону, а в здоровых тканях рассеялось медленнее и равномерно. – Рассказывай!

– А повежл... пфл! – возмущился было аптекарь и подавился словами. Трудно не подавиться, когда изящные женские пальчики хватают за кадык.

– Делай, как он говорит, – с “доброй” улыбкой порекомендовала ему успевшая избавиться от шапки Таня и шевельнула ушами. Перескочить через прилавок для неё было парой пустяков, и информацию о поведении разумных химер вне Лида моя напарница приняла к сведению.

По зимнему времени и для пущей приватности торгош завесил свой прилавок тканью по бокам и сзади, а от других посетителей рынка и других продавцов нас *совершенно случайно* заслоняли бока химер. Умным животным даже моя команда не понадобилась.

– Это действительно ведьмино зелье, Светом клянусь! – просипел чутка посиневший мужик, как только живое оружие ослабило хватку.

– Сказочное зелье, легендарная *живая вода*, ну да. – Я отпустил руку продавца, и волкоухая, продолжая удерживать жертву, подала мне флакон. Я напряг глаза, пытаюсь разобрать внутри знакомое зеленое свечение... и не увидел ни-

чего. – А я ведь почти купился на твой ловкий фокус. Из чего “кровь” смешиваешь, не поделишься?

– Не фокус! Айф-ф-ф! – Коротко остриженным человеческим ногтем довольно трудно поцарапать, но Таня у меня была в этом деле мастерицей. Сам регулярно страдал. Так что мошенник ещё легко отделался, заполучив всего одну кровавую полосу поперек щеки. Впрочем, кровь и в первый раз почти мгновенно свернулась, когда химера провела горлышком пузырька по ране.

– Кажется, я начинаю верить в чудеса, – медленно произнёс я и кивнул напарнице.

– Она пятнадцать золотых стоит! – шёпотом пробился наружу придушенный вопль души торгаша.

– Да хоть сто пятьдесят, – отмахнулся я. – За такое *чудо* и больше не жалко. Вот только почему я о нём раньше ничего не слышал? Такого же быть не может.

Нет, серьёзно. Чудодейственное средство, затворяющее раны – и про него только в крестьянских страшилках можно узнать? Вот не верю.

– Выдыхается за несколько дней, эта через день-два совсем действовать перестанет, – быстро призналась сволочь. – А глубокие раны только свежей “воде” под силу, в течение нескольких часов. Но я бы предупредил! И скидку сделал бы! Десять золотых!

Профессионализм на грани фантастики: *торговаться*, когда химера держит тебя за кадык.

– Как тебя предыдущие клиенты не прибили только? – восхищенно покачал головой я.

– Ты попробуй вернись из Горловины сначала, наёмник, – зло прошипел аптекарь и вытаращил глаза: Таня сжала пальцы.

– Вот мразь, – прокомментировал я, жестом давая напарнице понять, чтобы она подтащила начавшего задыхаться “провизора” поближе. Магия Жизни требует контакта, но если контакт есть... К счастью, из простых людей мало кто задумывается, насколько может быть опасен обиженный виталист. Я не обиделся особо, но в народной забаве “местный неместных обвиняет” и “ловим толпой заезжего наёмника” участвовать категорически не хотел. Потому волевым усилием сформировал внутри головы мошенника тонкую трепещущую зелёную светящуюся нить – предел моих способностей в артефакторике на данный момент. Ничего такого – просто магически на время воссоздал эффект деменции, частично угнетая высшие нервные функции. Своего рода частичная антипечатать, а такая простая потому, что ломать всегда проще. На сутки воздействия хватит, а на следующие мошенника ждет масса “приятных” впечатлений. Не знаю даже, запомнит он что-нибудь о нашей встрече и сегодняшнем дне вообще. И поделом мрази такой.

Вспышка неслась во весь опор, поднимая копытами мутные шлейфы брызг. Рядом, приотстав на полкорпуса и стараясь не попасть под дождь из грязи, мчалась Зайка с Таней на спине. Мне не нужно было оглядываться: магия Печатей подсказывала мне направление и расстояние до моих химер. Впереди, впрочем, тоже смотреть было не на что: тракт не делал резких поворотов, а монотонные стены зимнего леса только изредка прорезали мелкие речушки, каждый раз пересекаемые совершенно однотипными деревянными мостами. Ощущение – как в древней восьмибитной компьютерной игрушке, когда памяти не хватало сделать оригинальную местность на всём протяжении трассы. Нас ничто не тормозило: за дорогой здешние лесничие тщательно следили (ну ещё бы!), и сейчас она была совершенно пуста – хорошая погода оказалась для местных сюрпризом. В общем, времени предаться размышлениям хватало.

В корчме я назвался бароном из Зара, и это была ошибка. Ну как ошибка: я же не знал местных порядков, а ушастые пограничники недаром предупреждали всех выезжающих за границу республики, что отношение к гражданам Лида там... как минимум настороженное. Зависть, непонимание, опаска – да ещё и Белые далеко не в восторге от порядков республики, что ни разу не скрывают. Здесь же, особен-

но рядом с Лидом, отношение наверняка другое. С другой стороны, судя по всему, влияние Церкви в приграничье ничуть не меньше, чем в северных королевствах, а то и больше: когда к твоему дому регулярно выходят твари, которых лишь носители Света щёлкают как орешки – хорошее отношение сформируется само собой. В общем, на время пути побуду наёмником: так оно правильнее, пожалуй. Вон в первой же попавшейся деревне сколько интересного узнал.

Я нащупал в кармане трофейный флакон и беззвучно хмыкнул: интересная штука, так и не терпится исследовать её. Недаром мы с волкоухой на пару устроили в торговой точке то, что устроили. Не то чтобы мне было прямо так жалко пятнадцать золотых, хотя деньги – это всегда деньги, лишними не будут. Просто... Моя реакция на то, что мы сделали с мошенником сейчас – равнодушная, прагматичная. Единственные эмоции – от овладения неизвестной штуковиной, и всё. Вспомнить свои переживания по поводу необходимости прихлопнуть бретёра Купу два года назад – прямо-таки небо и земля. Тогда я понимал, что превентивно успеть убить первым решившего “исполнить” тебя убийцу – это правильно, причём валить его надо желательно в спину и наповал. Но дискомфорт от такого вынужденного решения был ощутимый. Теперь я едва не прикончил человека, – который мне, по большому счёту, даже сделать ничего не успел, – причём не задумываясь. Нарботал правильные рефлексy, что сказать.

Надо, правда, признать: если бы я *сейчас* попал в ситуацию с Купой, я бы тоже не почесался поволноваться. Бретёр, которому я два года назад фактически ничего сделать не мог, кроме как долбануть молнией первым или пристрелить из арбалета, желательно в затылок, теперь бы сам ничего не смог сделать со мной. Предельное ускорение за счёт форсированного использования Жизни позволило бы мне, вообще не владея шпагой, просто проткнуть противника в нужном месте до того, как он успеет повернуть в мою сторону свой клинок. Да даже если и успеет: отвел бы рукой. В конце концов, поверхностные раны я могу заживлять лишь немного медленнее, чем тот же нариец. Правда, всего в течение нескольких секунд – но для дуэли бы за глаза хватило.

Нет, если бы торгаш меня просто попытался обмануть, я бы махнул рукой и спокойно ушёл. В конце концов, я видел этого “аптекаря” первый раз в жизни и, скорее всего, в последний. Но когда тот продемонстрировал незнакомую *целительскую магию* – я готов был на ленточки порезать придурка, только чтобы узнать побольше. Жизненно важная информация, как-никак. Всё-таки два года обучения на мага не прошли даром: Мартин и университет потом смогли-таки привить мне то самое мировоззрение, что движет действиями большинства обученных одарённых. Знания – сила! Даже, скорее, “знание равно силе”. То, что силы много не бывает, в каждом рейде пытались доказать мне изменённые, а последняя наглядная демонстрация была и вовсе от родно-

го папочки. Монстра, в которого тот добровольно обратился, и, кажется, имел подобные планы насчёт меня. Надеюсь, что Вирн прав, и именно “имел”, то есть в прошедшем времени...

В бытность свою менеджером на Земле я как-то услышал поговорку: “Дай человеку в руки молоток, и он начнёт смотреть на всё, как на гвозди”. В моих руках таким молотком стала Стихия Жизни. Но не потому, что я превратился под действием обстоятельств в му... эгоцентричного бессердечного типа. На Земле подобные эволюции характера называли “профдеформацией”. Профдеформация ведущего менеджера по продажам сменилась на профдеформацию охотника на чудовищ и мага. Учитывая, что две последние профессии в сумме гораздо лучше позволяют выживать в этом мире – позитивные изменения. Это в цивилизованном обществе я с удовольствием веду себя цивилизованно, а с волками жить – по-волчьи выть. Не я придумал эти правила, но я научился по ним играть. И не просто научился, но и был готов – без всяких рефлексий.

Добраться до склянки получилось только вечером: после Дубков мы на полном ходу проскочили ещё одну корчму, потом обогнули деревню поменьше, пропустили ещё один постоянный двор – а погода всё не портилась. Химеры не уставали, я свою усталость успешно давил Стихией, и к сумеркам за хвостами Вспышки и Зайки осталась в общей сумме

третья часть пути до Горловины. Ещё два-три дня в таком темпе – и мы могли бы быть на месте. Увы, кроваво-красный роскошный закат и первые облака на востоке намекали: лафа кончилась. Ладно, и так уже неплохо.

В этот раз мы остановились в деревенском трактире. Местные, правда, говорили про свою деревянную крепость на одиноко стоящем холме “хутор”, но жило там, по моим прикидкам, едва ли на треть меньше народу, чем в любой из деревень манора Бертран.

Для испытаний я выкупил у хозяйки заведения курицу: посчитал, что коза или овца – это жирно будет ради нескольких простых манипуляций. Первым делом я усыпил птицу, потом безжалостно ощипал с одного бока и оцарапал скальпелем. В свете алхимлампы я хорошо разглядел “живую воду”: прозрачная тягучая субстанция. Танин нос фиксировал от пузырька множество запахов, но все прозаические: человеческий пот, кожа, видимо, сумки, местные травы для чая, немного крови, чья-то шерсть и даже нотки лошадиного помёта (мне немедленно захотелось помыть руки). Своего запаха “вода”, похоже, не имела. Ну ладно.

Одна капля затягивала царапину долгих десять секунд – видно, вода и правда выдыхалась. На пробу я затянул такую же своей магией едва ли не вдвое быстрее. А так? Подвластная мне Жизнь выплеснулась из ладони, на которой я держал ёмкость, попыталась попасть внутрь, но не смогла. Ясно, все-таки магия. Чужая. Вопрос – какая? Гидромантия?

В теории гидромант может сдерживать кровотечение – всё-таки в крови изрядная доля воды. Но ускорять рост соединительной ткани, формируя шрам? Нет. И что тогда это такое? Порезав курицу ещё немного и составив представление о том, как концентрация “воды” влияет на скорость (влияет), я так и не придумал, как без микроскопа узнать: есть ли в зелье нечто живое и сама ли вода вызывает шрамирование или только ускоряет естественный процесс. Вообще, внешне было похоже как раз на второе – “мой” шрам от “водного” ничем внешне не отличался. Но тогда я должен был *видеть* свечение своей Стихии – а я не видел. Придётся доставать и собирать микроскоп.

Отправляясь в Горловину, я взял с собой достаточно много предметов, никак не относящихся к службе в составе рубежников. Кроме тщательно упакованного в десять слоёв мягкой ткани разобранного микроскопа я тащил с собой хирургические и научные инструменты, а также конспекты по химерологии, методички и учебники по амулетостроению. И пресловутый курс психологии не забыл – даром, что ли, я ради него целый год ходил на “Теорию стихийного превосходства”? К сожалению, идеология у повелителей Жизни оказалась с гнилым душком. Возможно, в отдалённом будущем мне удастся с этим что-то сделать... В конце концов, когда умеешь *не стареть*, возможности существенно расширяются. Правда, не стареть я ещё не умел – этому тоже нужно

было научиться по взятым с собой материалам. За три года службы по “практикантскому” контракту мне предстояло много чего освоить из того, что выпускник Нессарийского университета уже умел. Что ж, совмещать разные занятия мне не впервой, уверен, что справлюсь. Только не рассчитывал, что придётся начинать так рано.

Распаковка и сборка микроскопа заняла почти два часа: Таня, увы, тут мне не помощница. А ещё нужны были предметные и покровные стекла, иглы, шприц, пинцеты, зонды для небольших ран, прижизненные красители и ещё куча здорово облегчающих полевое исследование мелочей. Всё это достать, что нужно – промыть и насухо протереть, разложить, чтобы в нужный момент не перепутать. От одной мысли, что мне всё это придётся снова паковать назад, хотелось сплунуть. Но наконец фокусные расстояния удалось выверить, свет настроить – и дело пошло. Я занёс скальпель над многострадальной птицей... и отложил. Начинать всегда надо с простого. И я опять взялся за флакон.

“Вода” упорно не хотела растекаться, застыв студенистой каплей между стёкол. Пришлось аккуратно “раздавить” её, прижимая препарат пинцетом. Потом последовала мучительная фокусировка: кто работал с микроскопом, тот поймёт. Наконец я увидел не толщу одной из прозрачных пластин, а то, что между ними. Прибавил света, выкручивая алхимическую лампу так, что стало резать глаза. И аккуратно, на кончике иглы, добавил краску-контраст. Осторожно сдвинул ко-

лёсико точной настройки... и едва сдержался, чтобы не отшатнуться от окуляра!

– Таня, – сдерживая мат, ровным голосом позвал я напарницу. – Освободи одну из сумок со съестными припасами: повезём нашу подопытную с собой.

Я показал ей на мирно спящую курицу.

– Здесь мы *это* не оставим.

Под объективом микроскопа, прозрачные в розовом контрасте красителя, застыли или вяло шевелились клетки всех форм и размеров. Не флакон пах кровью, сама “живая вода” была *кровью*. Чьей-то. Наверное, чьей-то. Потому что такой крови не бывает у животных, а вот насчёт тварей я уже был не так уверен.

* * *

До окрестностей Горловины нам удалось добраться только к середине девятого дня пути. Главным образом из-за непогоды: напороться на изменённых нам в пути “повезло” лишь дважды, позавчера и вчера. В первый раз я постоял над дикой горной овцой, вздохнул, высвободил застрявший в черепе арбалетный болт и поехал дальше – продавать органы мне тут было некому и везти – не в чем. Вообще, мог бы проехать мимо, но рефлексы сработали раньше сознания. Во второй раз пришлось повозиться дольше: мы и гигантская мышь заметили друг друга одновременно – с ветром не повезло, за-

пахи относил в сторону.

Рапторовая белка целенаправленно двинулась навстречу, громоподобно цокая и *отгибая* передними лапами попадающие по пути ёлки. Ручная баллиста в разобранном состоянии покоилась среди багажа, так что я, недолго думая, вытащил метатель. Магической защиты, как у секача, у белки не оказалось, и три разрыва на шкуре убили её на месте... и подожгли чёртгов пропитанный смолой молодой ельник! Мокрые деревья занялись неохотно, с недовольным шипением, треском и испуская густые клубы пара. Было видно, что разгуляться у пламени не выйдет, но оставлять очаг возгорания на милость природы и погоды я всё-таки не рискнул. Минус два часа времени движения.

Парадоксальным образом вместе с количеством тварей, бродящих по окрестным лесам, увеличилось и количество людей на дорогах. Дважды пришлось огибать по обочине купеческие караваны — только выючные химеры-тяжеловозы, никаких телег. Один раз мы наткнулись на вставший на ночёвку разъезд Белых: белые плащи, полированная сталь лат, длинные копья с белыми флажками: удобно, когда твоя Стихия заменяет стиральную машину и душ одновременно. Церковники расположились на удобной полянке с ручьём, поставили шатры и явно не беспокоились ни о своей безопасности, ни о возможном ненастье. Впрочем, по второму пункту ответ нашёлся сразу же: рыцари, надо полагать, сопровождающие паладина, загнали лошадей, среди которых затесалось

две химеры, под навес. Воздух вокруг не самого надёжного зимой укрытия от непогоды едва заметно колебался – магия воздуха, и мощная. Амулеты, разумеется, причём такого же класса, что стоят на крышах Рении. Хорошо живут. Останавливаться и рассматривать стоянку мы, разумеется, не стали, наоборот, поднажали, чтобы успеть до темноты до ближайшей деревни. А сегодня поутру прямо посреди дороги нагнали отряд королевской гвардии.

Гвардейцам не повезло: ночью выпало десять сантиметров снега, который поутру не спешил таять. Походная колонна по двое оставляла за собой широченный след, который сложно было не заметить, да и шлейф запахов создавала не хуже, так что сюрпризом встреча не стала. Единственное, я был не очень уверен, кого именно увижу, потому не стал доставать дворянский плащ, а когда мы увидели арьергард, то стало уже поздно.

Колонна состояла из трёх частей: упомянутого арьергарда из “просто” дворян и безгербовых рыцарей на лошадях, вооружённых кто во что горазд; пехоты с одинаковыми пиками, причём не стандартными, а с перекладинами, на манер рогатин; и авангарда. Авангард состоял из знати калибром покрупнее: четверо гербоносцев в окружении свиты, двое – аж полноценные бароны с манорами. Командиры гвардейцев могли похвастаться полным доспехом, немногим хуже снаряжены свитские: те держались за арбалеты, напряжённо зыкая во все стороны. Последнее меня особенно напрягло:

гораздо более простые машинки, чем у меня, были снаряжены для немедленной стрельбы, а мы оказались вынуждены проехать практически бок о бок. Но пронесло: собирая на себе настороженные, опасливые, а когда и откровенно испуганные, едва ли не умоляющие взгляды вцепившихся в пики пехотинцев, мы, не обменявшись ни единой репликой, объехали колонну по обочине, вздымая копытами химер клубы снежной пыли, и поспешили убраться подальше. Ну на фиг такие дорожные “приключения”: я лучше с нарийцем предпочту снова встретиться, от него хоть знаешь, что ждать.

* * *

Горловина встречала неласково: деревья, до того сжимавшие бурыми, чёрными и тёмно-зелёными стенами дорогу, вдруг растеряли строй, тут и там стали попадаться прогалины, всё более широкие, а потом лес просто кончился. Впереди до горизонта расстилалась слегка заснеженная степь с редкими кучками деревьев. Это всё под низким серым потолком облаков, то и дело сыплющих снежной крупой. А между небом и землёй безраздельно царил ледяной, пронизывающий ветер, которому больше ничего не мешает разгуляться. Как химеры находили занесённую вровень с окружающим пейзажем дорогу – бог весть. Но как-то находили: когда я в очередной раз оттёр прозрачное забрало ренийского шлема, впереди уже маячили стены небольшой угловатой

крепостицы – первого целиком каменного сооружения за всё время пути.

Несмотря на метель, нас заметили. Стоило подъехать к воротам, как в одной из створок распахнули калитку: только нагруженной лошади протиснуться. По ту сторону ворот наконец-то удалось спрятаться от ветра и пурги: я первым делом с облегчением стянул с головы эргономичный, суперудобный по сравнению с классическими местными шлемами и дорогой, но всё-таки изрядно режущий поле зрения горшок. И только после этого стал крутить головой, осматриваясь.

Сюрприз! Оказалось, что в воротах прорезаны узкие, чем-то замаскированные бойницы, к которым приникли арбалетчики, по трое у каждой створки. Не просто арбалетчики: у каждого была в руках ручная баллиста вроде той, которой я пользовался в первый год бытности охотником.

– Твари? – даже не здороваясь, первым делом спросил меня... видимо, сержант. Поверх кольчужной брони мужик носил куртку, отороченную мехом, на рукаве был пришит шеврон. Форменную куртку: арбалетчики были экипированы так же, только мех на воротники пошёл попроще, овечий.

– Сегодня ни одной не встретили, – почти сразу сообразив, о чём именно меня спросили, ответил я. И без понуканий уточнил: – Мы с восточного тракта, от Горелого добирались.

Горелое – это последнее поселение на пути к Горловине. Этимология названия мне стала понятна ещё до того, как показались деревянные стены населённого пункта: застарелый запах пожарища уловил даже мой нос. Частокол села во многих местах был обожжён: я уже знал, что светильное масло, добываемое из еловых и сосновых шишек, тут шло не только в лампы, но и использовалось как компонент огнесмеси – вторым ингредиентом шла смола. Напалм получался похуже алхимического, но вознамерившемся пробить или перелезть через стену монстру обычно за глаза хватало: одно дело – бутылка, и другое – когда опрокидывают целую бочку. Метод был распространён повсеместно, именно на нём держались хутора и корчмы, где просто не было достаточно народу для организации нормальной обороны. От нарийца не спасёт, конечно, но тигры по эту сторону вала всё-таки почти никогда не заходили. В Горелом нам повезло: ночью сельчан никто не беспокоил, потому удалось пристойно выспаться.

– Восточный? – оживился сержант. – По нему наш, из Матла полк сегодня подойти должен. Вы их не обгоняли?

– Крупный отряд обогнали утром. – На мой взгляд, на полк соединение едва ли в пять сотен копий не тянуло, но ладно. – Знамя при них развёрнуто не было...

– Они далеко? – с надеждой перебил меня командир поста.

– Встретили там, где ещё лес не кончился, – решил не пы-

таться угадать расстояние по своему атласу я.

– Лес? – недоверчиво переспросил гвардеец, потом внимательно посмотрел на стоящую ближе к нему Зайку и всё понял. – У вас химеры... Проклятье, они же не успеют! О чём только... Тьма!

Арбалетчики все как один вздрогнули, вперив в сержанта осуждающие взгляды. Тот, скривившись, с досадой хлопнул себя рукой по губам. Суеверие, видимо. Похоже, переживал за своих сослуживцев страж ворот вовсе не напоказ, раз допустил такую оговорку.

– Вы сами-то чьих будете и куда? – наконец носитель шеврона спросил у нас то, что должен был в первую очередь. Но, видимо, обычные правила в Горловине действовать переставали.

– Стажировка, еду на Рубеж, – коротко отрекомендовался я. Сопроводительные бумаги я ещё в Нессарии упаковал так, чтобы их легко и быстро можно было достать, ногодились они мне только сейчас.

– Арн Мира-кий-ский, – под сводом ворот было темно, а может, проблемы с грамотой были у конкретного сержанта. – Маг?

– Я виталист, – под недоверчивыми взглядами прокомментировал я. Надо было натянуть мантию в виду стен: всё равно через метель было не разобрать подробности. Но вот – не сообразил: к тому моменту у меня оставалось только одно желание – где-нибудь спрятаться от чёртова ветра. Ладно,

зайду с козырей. – Из республики.

Я кивнул Тане, и та скинула капюшон и стянула шапку, совершенно по-звериному встряхнув ушами.

– Ушастая! – это арбалетчики выдохнули чуть ли не хором. У напарницы дрогнула бровь, я а с удивлением обернулся. Нет, не показалось: по лицам рядовых солдат разлилось явно видимое облегчение. А их командир хоть и смолчал, явственно сменил напряжённую позу на более расслабленную.

– Предписание о прохождении практики стандартное, открытое... уважаемый, – мельком глянув на низ бумажки, словно бы невзначай оповестил он меня. Правда, все его старания пропали втуне: окончательно забившие на свои обязанности арбалетчики едва шлемы не растеряли – так усиленно кивали своему командиру, поддерживая инициативу сверху.

– К сожалению, мне нужно попасть на службу именно в Войско Рубежа, – мне действительно было жаль. Поди хреново просидеть три года за каменными стенами третьей линии укреплений на самом краю Горловины. Но, конечно, мне это не светит. – *Папа* очень хочет, чтобы я стал рубежником.

К моему удивлению, только что расстроенные отказом бойцы вновь закивали – в этот раз уважительно. А вот их командир, как оказалось, не зря носил лычку на плече. Пошевелив мозгами и хитро прищурившись, сержант родил заманчивое предложение:

– А может... этого, у нас переночуете, уважаемый? А мы вам завтра выделим сопровождающих прямо в штаб Войска. И погода исправится как раз... наверное.

Судя по интонации, в последнее бравый гвардеец и сам не верил. Но выбираться из квадрата непродуваемых стен столь отчаянно не хотелось, что я махнул рукой: согласен. Ещё подумал и спросил:

– У вас при лазарете есть раненые, больные? Ведите, помогу, чем смогу.

Не знаю, как тут взаимоотношения между различными контингентами строятся, но что-то подсказывает: доброту в любом случае не забудут. Буду нарабатывать репутацию, а заодно и первое впечатление о характере основных местных проблем со здоровьем составлю. В конце концов, именно этим мне тут в первую очередь три года предстоит заниматься.

Глава 2

Обморожения, простуды, ушибы, вывихи, растяжения, рваные раны (зубы, когти), колотые раны (дебилы-сослуживцы с холодным оружием и самостоятельно), переломы различной степени тяжести. Иногда что-то одно, но чаще – в сочетаниях. Расстройства пищеварения – вообще абсолютно рядовое событие. Зато как специально к моему приезду отметились двое гавриков, улетевших в карцер по пьяни. Додуматься *напиться* в одиноко стоящем посреди опасной степи форте, где в любой момент могут дёрнуть *держат* стены по тревоге – это отдельный интеллектуальный подвиг. И ведь у солдат, сержантов и офицеров есть совершенно законное винное довольствие – два стакана вина в день и на ужин – ром. Но эти кадры где-то (где, вот где?!) достали сивуху и нажрались просто в дрова. Перед карцером их побили палками – стандартная мера пресечения в королевских войсках. Побили с пристрастием – свои же, так как наказали весь десяток и их сержанта. А потом едва успели вытащить из камеры, когда у жертв зелёного змея начали отказывать отбитые и отравленные токсинами из пойла почки и печень. Ну, что я могу сказать? Добро пожаловать в армию, Арн.

Магия Жизни всё же очень мощный инструмент: я прилично выложился, не экономя Силу, зато к ужину лазарет практически опустел – долго ли умеючи-то? Прикомандиро-

ванный к форту коновал и лекарь в одном лице, на военный манер называемый здесь фельдшером, под конец едва молиться на меня не начал, тенью следуя за мной и стараясь как можно быстрее подавать запрошенные инструменты и средства. Остался валяться на больничной койке несостоявшийся инвалид с компрессионным переломом позвоночника – после исцеления я запретил ему вставать ещё неделю. Компанию ему составили побитые-отравленные: пьянь я не дал отправить назад в карцер – в сырости и холоде тонкая работа по восстановлению работы внутренних органов могла пойти насмарку. Армейский же порядок, строго по Уставу, двойных толкований не допускал: раз нельзя в камеру, но и наказание не снято – значит, лежачие больные. До выздоровления, а там опять— здравствуй, мокрая и неотопливаемая каменная яма.

– Уважаемый господин маг. – Знакомый сержант заглянул в лазарет как раз тогда, когда я заканчивал отмывать и раскладывать по петелькам и кармашкам походного несессера свои хирургические инструменты. Можно было воспользоваться набором из лазарета, конечно – и я бы так и сделал, если бы где-то потерял свои. В принципе, я и с одним кухонным ножом справиться могу – главное, отточить его на совесть. По правде сказать, скальпели у Тохи в Варнаве не сильно от такого ножа отличались... – *Благородные* господа офицеры просят вас разделить с ними ужин. Со всем уваже-

нием, значит. А меня послали вас, это самое, уведомить.

Передавая приглашение, гвардеец косился то на меня, то на фельдшера – я расшифровал эту пантомиму фразой “какого хрена?” Военмедик в ответ явственно пожал плечами, скорчив соответствующую гримасу: типа, предлагал – отказались. Да сейчас, так я и дам свой инструмент кому попало готовить. Хочешь сделать хорошо – сделай сам. Ну или можно Таню попросить – она точно не налажает, научил. Кстати.

– Вы мою помощницу не видели?

– Так это, ваша ушастая с другими свободными от дежурства сержантами сейчас отдыхает, – как-то даже слегка обиделся мужик. – Мы, уважаемый господин маг, порядок крепко знаем: уже и место в сержантской казарме до завтра выделили, и на довольствие поставили. Это меня, значит, их благородия до вас послали.

Последнее было сказано с явным разочарованием: похоже, местные офицеры решили послать ко мне того, с кем я уже наладил контакт. Может, даже ради этого раньше времени с дежурства сняли.

– Я просто забочусь о своих лю... разумных, – закрывая несессер, объяснил я и взялся за завязки мантии.

На самом деле я уже успел пожалеть, что всё-таки натянул форменную одежду волшебника: с кожаной поверхности бронекуртки кровь и другие неприятные выделения типа гноя можно было тупо смыть. Собственно, здешний фельдшер так и поступал: ходил по своим владениям в таком ко-

жаном фартуке, который время от времени протирал уксусом. М-да, средневековые во всей красе. Не то чтобы теперь меня это удивляло – сто раз посмотрелся уже. Тем не менее, вбитые в университете на лабораторках правила взяли своё: перед работой я облачился в играющую роль халата мантию. Теперь осталось выяснить, как в форте насчёт стирки и сушки.

– А... эм. Господин! – когда я потянул за ворот робы, намереваясь скинуть её, остановил меня сержант.

– Что?

– Ну... это... не могли бы вы... остаться в вашей одежде? – едва ли не взмолился гвардеец. – Сами понимаете, армия, мы по уставу живём...

Я выразительно покосился вокруг, потом на неаппетитные (особенно если знать про их происхождение) тёмные пятна на рукавах, но ответной реакции не добился. Ну, понятно. Офицеры – все сплошь “их благородия”, а для дворян, как я уже говорил, не та нацепленная статусная тряпка – словно приставленный к шее кинжал. А кровью и гноем мне, надо полагать, гвардейцев, служащих в Горловине, не смутить. Даже за ужином.

– У меня запасная мантия в седельных сумках, – всё-таки стянув форменную зелёную хламиду, пояснил я. – Заодно проверю, как там моя подчинённая, – и на ужин.

Горловину Шрама прикрывают три линии укреплений – соответственно первая, вторая и третья. Первую линию называют Рубежом, а международный контингент, который там находится – Войском Рубежа или чаще просто рубежниками. Рубеж не просто перекрывает Горловину, он вдаётся вглубь территории магической аномалии дугой – таким простым способом обеспечивается меньшее давление изменённых на каждую заставу Рубежа. А вот вторая линия – это чередка каменных фортов, расположенных друг от друга в прямой видимости, перекрывающая самое узкое место Горловины. Тридцать четыре форта, тридцать четыре северных королевства. Вроде был амбициозный проект построить между фортами второй линии сплошную стену – но то ли не потянули, то ли не стали строить по другой причине. Третья линия – это выгнутая в сторону уже королевств дуга, и состоит она не только из фортов: есть склады, штабные сооружения, собственные производства (оружие, броня), вроде даже есть фермы. Всё это укреплено, разумеется, охраняется постоянными контингентами, и вообще снаружи ничем не напоминает вспомогательные объекты. Но восточный форт третьей линии королевства Матл был именно тем, чем казался: небольшим замком без дополнительных функций. Маленькой крепостью, предназначенной для защиты и отдыха при-

ходящих с востока караванов и войсковых соединений. По коридорам и переходам тут поблуждать было особо негде.

– Ещё что-то не так? – поймав десятый косой взгляд, прямо спросил я у сопровождающего. До конюшни мы добрались за три минуты, не особо спеша, потому получилось, что гвардеец на меня *всю дорогу* пялился. Пытаясь этого не показать, но я всё равно почувствовал себя словно... гм, девушка рядом с сержантом.

– Я прошу прощения, уважаемый. – Мужчина немного неуклюже, но старательно поклонился. – Но вот на вас сейчас... броня?

– Это? – Я поддёрнул рукав куртки, заметно более толстой, чем обычная, даже зимняя одежда, и согнул руку в локте, демонстрируя наличие твёрдого налокотника. – Да, защитный комплект. Снимать не буду, даже не проси.

Насмотревшись на частокол вокруг Горелого, я совершенно расхотел выяснять, успею ли спросонья увернуться, если какая быстрая тварь запрыгнет на стену. Впрочем, спать в ренийской броне совсем не то же самое, что в средневековых доспехах. Поверьте, я проверял.

– И в мыслях не было, господин! – Военнослужащий королевства Матл замотал головой. Он и сам не расставался с кольчугой, даже снявшись с дежурства, что о многом говорило. Ветеран и младший командир не станет таскать на себе оттягивающее плечи железо просто так.

Наконец я отрыл в седельных сумках запасную мантию, и любопытные взгляды закончились, сменившись едва слышным разочарованным вздохом. М-да, похоже, у кого-то тут профдеформация не хуже, чем у меня. С другой стороны, у гвардейцев здесь жизнь зависит от их железок – и тех, которыми надо тыкать во врага, и тех, что не дадут врагу отгрызть от тебя кусок... сразу. Волей-неволей станешь интересоваться всеми новинками оружейного дела. Ну а ренийские защитные шмотки по местным меркам реально предельный для простого гвардейца хай-тек: одна моя куртка стоит столько, сколько ему тут за пять лет и близко не заработать. И его офицерам не заработать, даже если скинутся.

Таню я обнаружил за упомянутой сержантской казармой. Впрочем, если уж на то пошло, я её и не терял – связь Печатей легко перекрывала всю небольшую крепость из конца в конец, и я всё время чувствовал, где моя напарница. В небольшой ямке посреди уютного закутка под открытым небом особенно ярко в ночной тьме пылал огонь. Немолодые мужики с лычками на рукавах курток вытащили несколько грубо сколоченных лавок, по воздуху плыл умопомрачительный аромат хорошо промаринованного и теперь запекаемого над углями шашлыка. Моя волкоухая, разумеется, оказалась в центре внимания: удобно устроившись на персональной табуретке, словно на троне, она под взглядами военных с аппетитом уплетала мясо прямо с шампура, ничуть не сму-

щаяся, и время от времени отпускала короткие ответные реплики. Я не смог сдержать улыбки: общение со стражницами пошло моей когда-то мрачной и нелюдимой напарнице на пользу. С другой стороны, brutальные мужики из старо-служащих, я полагаю, отличались от ушастых соплеменниц моей химеры в лучшую пользу – про *бантики* и речи не шло.

– ...Сволочи! – А вот моего сопровождающего обуревали совсем другие чувства. Чувство. Зависть!

Моё появление вызвало в тёплой компании переполох: все повскакивали с мест, вразнобой отвешивая неуклюжие поклоны и настороженно глядя в мою сторону. Кто-то попытался рефлекторно стукнуть себя по правому плечу кулаком, отдавая ввевшееся в кровь и плоть за годы службы воинское приветствие. Тёплой атмосферы междусобойчика для своих как не бывало.

– Всё в порядке? – спросил подошедшую девушку.

– В полном. – Таня покачала шампуром и громче добавила: – По морде бить *пока* никого не пришлось. Но если что – меня два раза просить не надо.

Напряжение в рядах сержантского состава сразу ощутимо спало, я расслышал несколько сдвоенных смешков. Да уж, грубый юмор недаром называют казарменным.

– Можешь не очень сдерживаться, – в тон ей отозвался я. – Как раз успею вылечить перед нашим отъездом. На *что* я способен, ты знаешь.

Вторую волну тихих смешков на моей последней фра-

зе как отрезало. Ставлю золотой, пресловутый “солдатский телеграф” уже успел донести до всех свободных ушей мои успехи в лазарете. Теперь, если кому присутствие девушки рядом, невзирая на волчьи уши, чересчур вскружит голову – он три раза подумает, прежде чем... сделать глупость. Одно дело “героизм” в общении с опасной дамой – а другое получить в организм “подарок” от мага на всю жизнь типа ночного недержания. И мне теперь легче: собрать-то назад из отбивной с костями недобитого героя я соберу, но зачем пережёвывать уже созданное о себе положительное впечатление без нужды? Ага, внушение, вижу, достигло цели. Вот теперь и на офицерский ужин можно идти.

Уже отойдя от сержантской нычки (“незаметной”, как включенный отбойный молоток в кустах), я вдруг понял, что всё время царапало мое внимание.

– Костёр, – спросил я у гвардейца, с кислой мордой поведшего меня к одной из башен крепости. “Добрые” друзья, пока я общался с Таней, сделали вид, что не замечают алчных взглядов на следующую порцию подрумянившегося на углях мяса. – Там ведь не дрова горели?

– Масло жгут, – подтвердил сержант. – Откуда тут дрова-то взять? Рощи сводить – так родники пересохнут, совсем туго станет. На угли и то списанная бочка пошла. И ведь как-то уломали интенданта, зас...

Тут бравый вояка вспомнил, с кем он говорит, и оконча-

тельно прикусил язык.

* * *

– По вашему приказанию, господин маг!..

– Вольно, – поморщившись, небрежным взмахом руки отпустил благородный подчинённого. И вторично поморщился, когда сержант с лязгом приложил кулак к плечу. Добиться такого звука кожаной перчаткой о кольчугу можно было только нарочно. Дождавшись, пока младший по званию выйдет и затворит за собой дверь, носитель потёртого жёлтого плаща с гербом прокомментировал: – Вот... мужлан.

– Да ладно тебе, Грегор. – “Господ офицеров”, ожидающих меня на ужин, оказалось всего двое. Да и их трапезная зала... у нас с Ладой общая комната в квартире была больше. С другой стороны, в замковую башню хоромы не всунуть, как ни пытайся. Впрочем, барон-гербоносец явно попытался. Правда, попытка вышла так себе – как раз впору к его плащу. – Позвольте представиться по случаю встречи, *уважаемый* Арн, я лейтенант Линн, рыцарь, а это мой лорд – капитан Грегор барон Фёрт.

Фёрт мне сразу не понравился – уж не знаю чем. То ли брошенной в спину своему сержанту брезгливой фразочкой, то ли тем, что на военном объекте расхаживал в расшитом золотой нитью мундире. Так себе расшитом, хочу сказать: нить явно сэкономили, да и ткань на статусной шмотке не вы-

глядела по-настоящему дорогой. А вот лейтенант, наоборот, располагал к себе – открытым добродушным лицом и тем, что даже в столовой не снял свой латный доспех, ограничившись шлемом.

– Ваши благородия, – коротко кивнул я... и понял, что прокололся. Линн, может быть, и не заметил бы, а вот Грегор едва ли не стойку сделал: полученные мною от предшественника навыки к поклонам и куртуазным дворянским жестам никуда не делись.

– Вижу, сам Свет привел вас к нам сегодня! – Отношение барона ко мне поменялось прямо на глазах: эту фразу он едва ли не проворковал с радушной улыбкой. Хорошо хоть, обниматься не полез – спасибо дворянскому этикету. Меня прямо аж на ностальгию пробило: примерно с теми же интонациями на нашей первой встрече обхаживал меня Трамонт Пэр. Полагаю, позвали меня сюда с той же целью, с которой я пошёл наводить порядок в лазарет: неформальные связи решают. Маг, тем более маг Жизни – слишком ценный ресурс, чтобы упускать возможность навести личный контакт. Но это не значит, что Фёрту было приятно общаться с возвысившимся простолюдином. А тут прямо такое замечательное совпадение – под мантией обнаружился собрат-дворянин! – Приступим же скорее к трапезе! Признаться, мы вас немного заждались, Арн...

– Просто Арн, – не повёлся я на вопросительную интонацию в конце фразы. – До *мастерства* мне пока далеко, а что

до титула... Надев мантию, я передал манор достойному наследнику.

Может, конечно, этот Грегор и выглядит как бледное и неудачное подобие Трамонта, но, служа в Горловине, не слышать фамилию Бертран он не мог. Даже думать не хочу, что случится, когда этот страдающий по придворной жизни типа “рафинированный аристократ” сообразит, что к нему на огонёк занесло родственника генерала рубежников. Только участия в дебильных провинциальных интригах мне ко всему прочему не хватало.

– Скромность, достойная восхищения! – Пока барон переваривал мой вежливый отказ раскрыть инкогнито, инициативу в разговоре ловко подхватил рыцарь. – И до мастерства вам, Арн, совсем недалеко. Мы с Грегором, признаться, до сих пор вне себя от изумления: вы буквально спасли нас, подняв пятую часть бойцов на ноги! Что весьма актуально, я бы отметил, в свете слухов, что вы встретили полк бедняги Пауля на марше...

– Я действительно обогнал походную колонну, – я повторил то, что уже сказал сержанту у ворот.

– Проклятье, – едва я закончил говорить, стукнул кулаком по столу Фёрт. – О, прошу прощения, был несдержан...

– Мой лорд имеет в виду, что нам, возможно, предстоит бой против чудовищ, – “перевёл” слова командира Линн. – Если не повезёт, то и ночной. Распоряжусь ещё усилить патрули и долить масла в светильник сигнального огня.

– И твари полезут на нас, – закончил за лейтенантом капитан, дёрнув губой.

– Лучше на нас, чем на них. – Как-то незаметно застольный разговор перешёл в обсуждение боевых действий. – У нас огнесмесь и стены, а у пехоты только пики.

– Проклятье... – безадресно выдохнул главный человек в форте и уже без всякого аппетита принялся ковыряться в своей тарелке. – Ненавижу такие ситуации...

– Зима. Плотоядные твари лезут на любой источник аппетитных для них запахов, – заметив, что я внимательно прислушиваюсь к разговору, пояснил рыцарь. Похоже, рулил в Восточном всем от имени капитана именно он, нужно будет это запомнить. – Некоторых огонь привлекает. Одинокий путник или пара, особенно на нормальных лошадях, имеют все шансы проскочить. А вот группы обычно привлекают всякую гадость. Если рядовые гвардейцы удержат строй – есть неплохой шанс отбиться или хотя бы добраться до форта, несмотря на потери. А если нет...

Он махнул рукой.

– Нам, признаться, невероятно повезло, что вы здесь. Надеюсь, если случится бой, ваша... телохранительница поможет?

– Таня поможет, – пообещал я, припомнив слова о рубежниках хозяина корчмы в приграничье. Общая угроза воистину сближает, начать юлить и считаться тут – верный способ заработать себе чёрную метку на репутации. – На меня

тоже можете рассчитывать, господа.

– Иного ответа от вас я и не ждал!

...Надо будет собрать ручную баллисту, пока есть время. Лупить из метателя по тварям в упор – плохая идея. Тем более среди союзников.

* * *

Словно в насмешку над всеми приготовлениями, нападения так и не последовало. Зря учетверённые патрули во всеоружии вглядывались со стен форта в ночь, зря над самой высокой башней трепетал яркий факел пламени – только людей понапрасну утомили и прорву масла сожгли. Полк, пусть даже потрёпанный постоянными нападениями тварей, тоже так и не подошёл. Пока уставшая ночная смена под бледное свечение зари наскоро набивала животы и укладывалась спать, из ворот крепости поодиночке, старательно выдерживая интервалы, выезжали разведчики на крепких и быстрых конях. Отправляли только ветеранов – и покидали они твердыню королевства Мапл на краю Горловины с такими лицами, будто их отправляли на казнь.

Тем контрастнее смотрелась двойка рядовых гвардейцев, которым нужно было сыграть роль курьеров: молодые парни едва ли не светились от радости и от неё же едва не выпадали из седел. И даже особо не переживали, что лошадей им выдали самых что ни на есть дрянных: ну как же, поедут под

охраной мага и самой настоящей боевой химеры. Повезло! О том, что им потом придётся как-то добираться назад, гонцы явно не задумывались. За ночь снег покрылся ледяной коркой, а утром температура поднялась выше нуля и по поверхности выглаженной степным ветром корки растёкся тонкий слой воды. Наверное, даже хорошо, что нам навесили на ногу “гирию” в виде двух лбов на клячах. Ездовые химеры не падали на любой поверхности, в том числе и в галопе, но бережёного, как известно, Свет бережёт.

В степи нет дорог, есть направления. Тем не менее, если куча народу часто движется в этих самых направлениях – след они оставляют, и ещё какой. Я всего пару раз за всё время пути глянул на компас, и то, скорее просто сверяя свои внесённые от руки ещё в Нессарии в атлас поправки и отметки. В теории от форта должен был разбегаться веер теряющихся в степном разнотравье тропинок, но по факту следы чётко складывались в три большака: один вёл на восток, к лесу и тракту через него (логично), другой – на север, к ближайшему форту второй линии, и третий – на запад, немного забирая на юг. Да, западная “дорога” по кратчайшей прямой вела к следующему укрепленному пункту третьей линии, а от него к следующему, следующему и следующему – по цепочке. Местные считали, что так безопаснее.

Объекты третьей линии друг от друга отстояли относительно далеко. И между собой располагались неровно: где в

пяти километрах, а где и в десятке. Да и сама линия, рисуемая королевскими картографами изящной дугой, на самом деле была изрядно ломаной – строили, исходя из особенностей местности, а не по строгому плану, как первую и вторую линии. Строили – кто во что горазд, в зависимости от недостатка государства или союза, к которому укрепункт был приписан.

Ближе всего к восточному форту располагался Восточный (это название) тыловой накопительный склад Войска Рубежа: угрюмый каменный прямоугольник без башен и с наглухо запертыми стальными воротами. Рубежники к безопасности своего имущества относились очень ответственно: ни огонька в бойницах, ни дымка над крышами. Даже запахи умудрились как-то отбить, как мне с удивлением поведала Таня – было полное впечатление, что здание пусто и пусто давно. Последнее опровергли рядовые, которых мы охраняли: на прямой вопрос они ответили, что в случае чего засевающие за стенами из дикого камня интенданты Войска нарушают-таки маскировку и поддерживают огнём пытающихся оторваться от твари гвардейцев. А если нужно – и вылазку делают для оказания помощи. Только внутрь никого никогда не пускают.

От каменного мегаамбара дорога поворачивала к другому складу – общевойсковому гвардейскому. По чьей-то “замечательной” задумке разные государства могли бы хранить

там излишки оружия, брони, долго не портящейся еды – уже смешно, учитывая, с каким трудом снабжается Горловина. Планировалось, что в случае нужды из этой, так сказать, кассы феодальной взаимопомощи, могут взять нужное отряды любой страны. То, насколько идея оказалась жизнеспособной, было видно издалека по состоянию стен укрепления: кирпичная кладка где выкрошилась, образовав провалы, а где расползлась кучами глины. Тем не менее, аж две башни тут были обитаемы (и это почувствовал даже мой нос), а окрестные форты исправно пополняли смешанный контингент на дежурство. Солдаты рассказали, что нужно было сильно и последовательно косячить, чтобы вместо гауптвахты отправили сюда.

Дальше мы миновали несколько фортов северных королевств – принципиальных отличий от матловского я не заметил. Со стен нас каждый раз окликали, один раз даже специально приоткрыли ворота, чтобы пообщаться. Интересно всех примерно одно и то же: что происходит в окрестностях и не встретили ли мы по пути кого. Услышав, что с тварями не столкнулись – светлели лицами. И чем дальше мы продвигались вглубь дуги, тем меньше мрачного интереса вызвало известие о пропавшем отряде.

Рядовые, сначала старавшиеся лишний раз не привлекать к себе внимание грозного мага и его ушастой телохранительницы, поняли, что мы не против путевой беседы – и

их как прорвало. Даже разница в положении не могла перевесить желание наперебой выговориться в новые свободные уши. Мне и Тане оставалось только мотать на ус. Так мы узнали, например, что вообще-то такое отсутствие монстров в окрестностях, как сейчас – скорее норма, чем исключение. Более того, чем ближе к центру третьей линии, тем безопаснее считалась территория: это по краям мутанты банально обходили защитные сооружения через вал и нападали с флангов. А так, вообще, по южному пути к Горловине подходили обычные обозы с телегами и минимумом охраны.

То, что матловский барон повёл своих солдат через опасный район, создав дополнительный риск для себя и своих людей, объяснялось просто: припасы гвардейцам на марше были выданы совсем впритык. А попытка собрать фураж по пути была плохой идеей: бароны других королевств категорически не понимали нужд будущих защитников мира и спокойствия (как будто сами не служили!) и требовали деньги (!!!) за муку и зерно. Заодно я узнал, почему отряд в пять сотен пик обозвали “полком” – такую группу со скрипом, но ещё пропускали через земли других королевств. Большое войсковое соединение вполне могло послужить поводом для локальной войны, только появившись у граничной межи.

Увидев впереди белые стены опорного пункта Белой Церкви, гвардейцы совсем расслабились. Клирики не поленились откуда-то издалека притащить известняка, чтобы стены вполне узнаваемой по дизайну крепости-монастыря

реально едва ли не светились белым даже в рассеянном свете пасмурного зимнего дня. Подъехав ближе, я убедился, что церковники даже в малом не отошли от своих правил: у ворот стоял облачённый в доспехи караул. Впрочем, чего бояться тем, чья Стихия способна обратить в паническое бегство слабо прошибаемого огненной магией монстра?

После монастыря степь ожила: я несколько раз видел вдалеке патрульные пары в белых плащах, проскакал явный курьер, под облаками я несколько раз успевал заметить чёрную точку почтовой химеры. Потом навстречу тяжело прокатилась запряженная ломовыми лошадьми бочка: колёса оставляли в земле глубокую колею. Только тут я сообразил, что как-то незаметно исчезли редкие островки деревьев, и вспомнил, что де Берг упоминал про отсутствие в Горловине водных и полуводных тварей. Получается, с водой тут проблема? Хм, правда, точно не зимой: вон как земля под копытами Вспышки чавкает...

Почувствовав себя в безопасности, солдаты, назначенные в почтальоны, наконец-то перестали сдерживать своих верховых доходяг, уже не пытаясь сохранить им силы. Переходя с рыси на галоп и назад, мы наконец-то стали двигаться с более-менее нормальной скоростью и спустя пять часов, миновав ещё пару складов и животноводческую ферму (отчаянно воняющий навозом “замок”, ещё одно место “ссылки” косячников), мы достигли конечной точки назначения: шта-

ба Войска Рубежа. Точнее крепости, где он находился.

Ну, что могу сказать? Эдмонд де Берг знал, что ему копировать, когда возводил укрепления вокруг своего дворца. Снаружи казалось, что за добротными даже на вид тёмно-серыми стенами из тёсаного камня расположился город – даже очередь из телег перед воротами нашлась. Но внутри впечатление сразу менялось: это была военная база. Казармы, плацы, административные здания, тренировочные площадки – и всё это окружено сопутствующими службами типа кузниц, кожевенных мастерских, конюшен, кухонь, лазаретов. Да, всё это построено и функционирует по средневековым меркам, пахнет отнюдь не розами и выглядит угловато и примитивно. Но – всё равно впечатляет, и ещё как. Заблудиться по незнанию можно – благо навязанные матловцы наконец действительно пригодились и провели куда надо, прежде чем отправиться по своим делам. Ну что ж, дело за малым: оформить документы и получить распределение на место службы. Надо полагать, быт на заставе рубежников мало отличается от того, что я видел в восточном форте...

* * *

Когда-то давно, в студенческую пору я посещал военкомат... дважды. Кажется. Честно сказать, воспоминания почти начисто сгладились. Служить у меня тогда никакого же-

лания не было: конец девяностых, престиж армии практически на нуле. Совать взятки, к счастью, не пришлось: всего лишь заплатил за аспирантуру, которую даже не посещал – так и дотянул до двадцати семи. Это я сейчас к чему? А вот:

– Мальчик, ты, случайно, дверью не ошибся? В утиратели сопелек гвардейцам принимают не здесь!

За грубым деревянным столом в окружении папок с бумагами мужик в кольчуге смотрелся откровенно чужеродно. Алхимический карандаш в его пальцах производил впечатление едва ли не зубочистки, а чтобы перекрыть ширину его плеч, потребовалось бы поставить бок о бок двух меня. И ещё Таню рядом пристроить – для гарантии.

– Я пришёл записаться на стажировку в Войско Рубежа, – вежливо сообщил я, протягивая направление от декана. В этот раз я учёл свою прошлую ошибку и нацепил мантию загодя, не доезжая до ворот крепости. Перепутать меня, висталиста, с немагом теперь было довольно сложно.

– За-пи-сы-вать-ся, – с не совсем понятной мне интонацией, но явно с удовольствием повторил собеседник, двумя пальцами принимая от меня документ. Печать он мельком осмотрел, но ломать, чтобы ознакомиться с содержимым, не стал. – И что же сподвигло тебя к такому эпохальному, не побоюсь сказать, *решению*, мальчик?

– Воля отца, – максимально ровно ответил я.

Ситуация, честно говоря, начала меня напрягать. Судите сами: в любых войсках маги – элитные боевые единицы.

Или, в моём случае, элитные единицы поддержки. Здесь нет артиллерии в привычном землянам смысле слова, а метатели и уж тем более артефактометы слишком дороги, чтобы стать массовым оружием. Особенно последние – их и в Рении на руках десятка два всего, кажется, а то и меньше. То есть обученный волшебник – желанное и очень востребованное средство усиления любого войскового соединения. Да что говорить – вчера я вернул в строй больше двадцати человек за несколько часов. Бойцов, которые не пролеживали бы бока в лазарете, если бы в форте был хоть один маг, неважно какой Стихии: уж квалифицированному оказанию первой помощи учат всех аколитов, в чём магия реально очень важное подспорье. Того же Марата вспомнить, который Огнём – огнём! – мог закрывать раны, причём так, чтобы они потом не воспалялись. И тут – такое пренебрежение.

– Отца, значит, – просверлив меня долгим взглядом, но так и не добившись реакции, уже другим тоном сказал убежище. – Скажи мне, мальчик, он тебе смерти желал?

Видимо, моё лицо меня выдавало, потому что глаза офицера слегка округлились.

– ... Не уверен в его мотивах, – после паузы сумел сформулировать дипломатичный ответ я. Ляпнуть что-нибудь про Кристиана, которого тут обожают все и каждый, было бы откровенной глупостью. Такой же, как козырять его именем. Не хватало только, чтобы меня засунули служить куда-нибудь поближе к этому давным-давно переставшему быть че-

ловеком уроду.

– Вот что... парень, – заменив всё-таки явно издевательское “мальчик”, тяжело поднялся из-за стола рубежник. Сразу стала понятна причина такого изначально пренебрежительного отношения: мужику я доставал в лучшем случае макушкой до плеча. Ещё один мутант, или природа так щедро одарила? Он протянул мне назад так и не распечатанное направление. – Волю отца нужно уважать, согласен. Но я не пропущу зеленого юнца, крови не нюхавшего, на передовую. Будь ты хоть десять раз маг – на заставе тебя просто убьют до того, как ты чему-нибудь научишься. Хочешь в рубежники? Отслужи в гвардии свои три года, наберись опыта – тогда поговорим. Даже подскажу, к кому идти...

– Дело только в опыте? – перебил я его. Блин, ну наконец-то прояснилось. – Он у меня есть. Готов продемонстрировать.

– А ты упорный. – Я расслышал нотку одобрения в голосе офицера. – И наглый. Хорошо, уговорил: выбью из тебя дурь. Вы, жизнюки, живучие вроде?

Сразу было заметно: штаб рубежников хоть и находился в тылу, но местные к бою были готовы всегда. Арсенал содержался в идеальном порядке и располагался в геометрическом центре здания – чтобы достичь его в случае чего как можно быстрее. В ответ на приглашающий жест взял пехотную пику из пирамиды таких же: длина почти такая же, как

у моего эльфийского копья. Только наконечник другой, разрезать им что-нибудь было сложно, а вот колоть – самое то. Взвесив оружие в руке, я убедился, что баланс для меня проблемой не станет, и так же молча кивнул. Мужик сам ничего не взял, просто вывел меня на утоптанную до каменной твёрдости площадку на заднем дворе штаба (кажется “плац”, да?) и просто сказал:

– Нападай. Поцарапать меня не бойся.

Эх. Где-то я это уже слышал. И ведь видно же, что оружие я как минимум не в первый раз в руках держу... Ну ладно. Не бояться, значит? Это я могу.

Демонстративно аккуратно я развязал завязки на мантии у горла. Высвободил правую руку из рукава робы, перехватил копье, высвободил левую. Взялся за ворот... и одновременно с началом движения выплеснул всю доступную Стихию в мышцы. Отброшенная в сторону зелёная тряпка заставит даже опытного воина хоть на долю секунды, но отвести взгляд – наши глаза рефлекторно фокусируются на самом быстром и ярком объекте, это намертво “прошито” в мозгах куда глубже сознания. А больше мне времени и не понадобилось – не так уж далеко мы друг от друга стояли. Ни сдвинуться в сторону, ни сбить рукой удар рубежник не успел. Начал движение – очень быстрое движение! – но моей форы хватило. Ведь бил со всей силы, бил по кратчайшей траектории, бил, как по врагу – и удар даже не пытался сдержать.

Всё как просили.

Наконечник пики, это я уже говорил, предназначен для колющих ударов. Пробивать как искусственную броню, так и естественные слои защиты. Пехотной пикой при известном умении можно свалить рыцаря на боевом коне. В смысле вместе с конём – упёртая в землю под правильным углом пика выступает в качестве рогатины, на которую лошадь насаживается сама. Мой противник не был лошадью и стоял на месте – зато я мог в коротком рывке сравниться по скорости с боевым конём. Удар!

Кольчуга брызнула звеньями, как лужа от брошенного камня брызгами. Сталь врубилась в плоть, пробивая себе дорогу... и завязла, будто я пытаюсь пробить не человека, а кусок глины. Массой этак в половину тонны – потому что более лёгкий я бы сдёрнул с места. А потом движение и вовсе прекратилось – могучие лапищи рубежника сомкнулись на древке, окончательно останавливая удар. Мы молча уставились друг на друга, вдвоём держась за пику, потом как по команде посмотрели вниз: с грани наконечника скатилась одинокая капля крови и разбилась о плац. Н-да, всё-таки тоже мутант. Ну, хоть не похож по химическому составу на замаскированного Чужого.

– Гхм! – звучно прокашлялся гигант. Острая железка в брюхе ему явно не доставляла удовольствия, но и убить точно не грозила. – Как ты, говоришь, тебя зовут, *маг*?

Глава 3

– Значит, опыт командования вне боевой обстановки – взвод, в бою – два человека? – Ромар поморщился и под столом потёр живот. От моей помощи *товарищ* майор отказался, хотя я предлагал. Настойчиво.

– Всё верно, – согласился я, не поправляя офицера. Я-то сам сказал “разумные”, но раз он сам себя считает *человеком*, то на разницу между дочкой кузнеца и эльфийкой ему должно быть плевать.

– Не “всё верно”, а “*так точно!*” – Лицо рубежника скривилось сильнее. Он и в первый раз гримасничал совсем не от боли. Не от физической боли то есть: живот под повязкой, я подозреваю, у мутанта уже зажил, а вот повреждённое самомнение явно ныло и требовало сатисфакции. Надо отдать мужику должное: воли этим своим порывам он не давал. Старался не давать. – И эти ваши рабы, даже если их было четыре десятка, вряд ли могут считаться за рядовых-*сослуживцев*.

– Формально рабами они не были, – прокомментировал я. И под хмурым взглядом из-под кустистых бровей с самым серьезным видом развел руками. – Крестьяне из деревень по законам северных королевств считаются свободными... как бы.

Не то чтобы я прямо специально подбешивал майора – хо-

тя это было приятно, не спору. Не стоило тыкать меня “мальчиком”, даже если я в броне и бесформенной мантии тяну едва ли на треть объёма разумного изменённого. Дело было в другом.

После скоротечной схватки собеседник наконец-то соизволил представиться и сообщить своё звание и должность: второй заместитель командующего тылом. Теперь мне стало понятно, почему я минут десять шлялся от кабинета к кабинету, пока наконец меня с моей совершенно стандартной для армии задачей не согласились принять. Разумеется, у самого майора тоже были заместители, которые решали вопросы с новобранцами. Но, как я теперь сообразил, они, едва завидев зелёную робу на зелёном же юнце, благополучно сплывали такое привалившее им “счастье” наверх, руководству. Думаю, им за это ещё прилетит отдельная “благодарность” от оцарапавшегося о пику начальства... неважно.

Важно, что услышав звание, но не услышав титула, я обратился к офицеру так же, как слышал от гвардейцев: “Господин майор”. И тут же нарвался на раздражённую пятиминутную отповедь о том, что господа служат королям, а рубежники, присягнувшие защищать человечество от Тьмы, все между собой *товарищи*. Наезд я проглотил, постаравшись принять виноватый вид: Ромару требовалось спустить пар после сокрушительного щелчка по носу. А теперь исподволь демонстрировал, какой я объективный и непредвзятый. И *то-*

варищей способен увидеть не только среди своей социальной страты, как это принято в королевствах, да и среди магов тоже, но и в других людях. И не очень людях – тоже.

– Ещё и благородный, – потёр переносицу рубежник.

– Барон. Безземельный, – уточнил я. Всё равно это всплывёт, а неточности в личном деле вряд ли порадуют одного из старших офицеров Войска Рубежа. Тем более заполнением бумажек ему пришлось заняться лично. – Не думал, что это важно.

Ну да, после громких слов “Товарищам не важно, как тебя называли там, за Рубежом. Им важно, сможешь ли ты закрыть их собой, когда это будет нужно так же, как они закроют тебя! Понял, нет?” безразличие к титулам как бы подразумевалось. Неважно, кем ты был. Принят в рубежники? Стал рубежником.

– Как бы я ни относился к аристо, вас хотя бы хоть немного учат управлять людьми. Криво-косо, но, по моему опыту, уж лучше так, чем никак. Барона недаром в гвардии сразу капитаном жалуют, – дёрнул уголок рта Ромар. А я, зацепившись за “вас”, только теперь сообразил, кого мне лицом, да и характерным звучанием имени напоминает второй зам комтыла. Гильдейских купцов Рамона и Рахмана. Да, эти точно неплохо умеют управляться с людьми – на собственном опыте испытал. – Так, подожди.

Офицер нашёл пальцем нужную строчку в деле и поднял

на меня глаза.

– Двадцать полных лет. Гражданин республики Лид, охотник, маг виталист – и барон.

“Сам в шоке!” – очень просилось на язык, но я только вздохнул:

– Так получилось.

Рубежник подарил мне долгий, задумчивый взгляд, потом хмыкнул.

– Знаешь, почему я не спрашиваю у тебя подробности?

– Некогда? – предположил я, только чтобы не промолчать.

Лично я бы нашёл, кого заставить записать биографию рекрута, будь я начальником здесь. Такая информация никогда не бывает лишней... хм, или бывает?

– И это тоже. Но главное, – он опять потёр живот, – ты мне уже рассказал. Копьё в твоих руках способно разить тварей, а всё остальное – финтифлюшки. Как ты думаешь, почему я не хотел брать тебя, мага, на службу до получения опыта в гвардии?

– Из-за сомнения в моих боевых качествах. – Тут два и два сложить было несложно.

– Нет, из-за того, что магия ведёт себя на Рубеже Тьма знает как. Но по большей части – *никак*, потому что одарённый её толком и отбросить от себя не может. По крайней мере, нашу магию – у тварей таких проблем нет, – совсем невесело улыбнулся майор. Я машинально отметил, что у Ромара никаких проблем с суевериями нет, и только после этого до

меня дошёл *весь* смысл фразы. – Вижу, до тебя *дошло*.

– А как тогда... – Вот теперь мне стало очень даже не по себе.

Я понял, о чём говорит рубежник: однажды, охотясь на нарийца, мне с Таней пришлось отдалиться от вала. Не так уж и далеко – верхушку километрового барьера вокруг супер-кратера ещё было видно. Но даже там я чувствовал давление, лёгкий дискомфорт, словно тело в плёнку обернули. И это не самовнушение: Стихии могут воздействовать друг на друга и, стало быть, на носителей. А метастабильные проявления магии, типа огненного шара, в волне чужой силы немедленно теряют эту самую стабильность. Грубо говоря, получается, если попытаюсь выстрелить из метателя на заставе, то заряд сдетонирует, не врезавшись в цель, а в полёте. И, судя по услышанному, хорошо, если не в стволе.

– Как-как. Копьё или меч в зубы – и в рукопашную, – пожал плечами мужчина. – Ты же научился благодаря своей Стихии сильнее бить и быстрее двигаться, другие не дурнее. Пироманты раскаляют оружие и поджигают огнесмеси, аэроманты тоже повышают подвижность, только толкая себя воздухом снаружи. Рядом с телом вашим колдовать худо-бедно обычно получается, каждый как-то приспособливается... или умирает. Собственно, потому в Войске Рубежа в штатном расписании вообще нет мест магов.

– Даже жизнюков? – мягко говоря, “удивился” я.

– Жизнюки особенно любят жизнь и не любят лишний

риск. В чём смысл штатных должностей, которых нечем заполнять? – А, ну да. С перспективой надолго пережить любого другого человека, одарённого или нет, умирать в молодом и цветущем возрасте ну совсем не хочется. – Бинтами и лекарствами обходимся. А *некоторым* и того не нужно.

И мужчина звучно похлопал себя по животу. Мы помолчали, каждый думая о своём, потом Ромар закончил мысль:

– К нам идут служить маги, да только совсем уже отбитые, прости за прямоту. У кого к чудовищам личные счёты или кому вообще на гражданке жизнь не мила. Но, конечно, виталист на заставе лишним не будет. Совсем не будет. Вот только в бой тебе так и так придётся идти со всеми, понимаешь? Отсидеться в сторонке, когда *прёт*, не получится так и так. Просто негде. Может, всё-таки передумаешь? В последний раз предлагаю. Направление виталиста на практику у меня любой гвардейский полкан с руками оторвёт, даже скрытое. Будешь как сыр в масле кататься три года...

– Нет. – Что ж, похоже, Вирн был более чем прав: одного из немногих *отбитых* магов-рубежников генерал Кристиан с собой в самоубийственный поход не возьмёт. Просто потому, что сослуживцев-мутантов ещё попробуй убей, а вот от меня на заставе гораздо больше толку, чем от рядового бойца. Ну а раз своей дистантной магии у меня всё равно нет – я по большому счёту ничего не теряю. Кроме безопасности и спокойного сна на три года. Чтоб ты сдох, папаша хренов!

– Ну раз так... – Ромар поднялся из-за стола, и я встал со

стула вслед за ним. – Поздравляю по случаю вступления в Войско Рубежа, товарищ!

* * *

– Шаг! Шаг! Шаг! Коли!

Я же говорил, что Ромар найдёт способ наказать своих за-
мов и подручных? Он нашёл.

– За-алп!

Иезуитская же хитрость товарища майора заключалась в том, что под то же наказание попал и я. Как причина майорских проблем – это неофициально, а официально – в качестве ученика. Точнее *курсанта*. Единственного курсанта на десяток проштрафившихся мужиков лет сорока – сорока пяти.

– Курсант, мать твою, ты как щит держишь?! Дон, слепой совсем? Петуха десятником вместо тебя поставлю в следующий раз, оф-фицер!

Надо сказать, спрятаться за малым пехотным щитом от ливня стрел не так-то просто. Даже учитывая импровизированный парапет из мешков с песком, который мы перед каждым занятием строили, а потом разбирали. Предполагалось, что новоиспечённые рубежники уже обладают неплохим военным опытом, а потому в лагере для новобранцев не было учебно-тренировочной полосы. Зато был плац, а песок и мешки второй замком по тылу организовал по щелчку паль-

цев. Кто бы сомневался в его талантах...

– Ар-р-рн! – Назначенный десятником учебной десятки капитан Войска Рубежа Дон, выверившись, повернул в мою сторону голову... и именно в этот момент в его щит влетел выпущенный из *танкового* стреломёта снаряд. Кожаный бурдюк, залитый краской и утяжелённый некоторым количеством щебёнки. И если тяжёлый стальной блин держать в момент попадания не под тем углом... Капитана *унесло*, выбив из рук защитное приспособление.

Поскольку за пять дней с момента *принятия в ряды* я успел изрядно *потренироваться*, то ускорение реакции и восприятия за счёт выплеска Стихии использовал совершенно бездумно. Потому успел заметить, что кэп не выпустил из рук снаряжение, щит *сорвало*, вырвав клёпки ручек. Значит, ошибка была не столь уж большой: в противном случае мне бы пришлось собирать кости капитанских рук из осколков и, возможно, заращивать трещины и переломы в костях лицевой части черепа. А так всё обойдётся ушибами и ссадинами – ерунда, потому что в реальном бою Дона не протащило бы по плацу, а на фиг снесло со стены заставы. И полило бы сверху дождем из суперкислоты: мешочек с краской имитировал плевков гидры. И, разумеется, от удара лопнул...

– Плохо! Плохо, товарищи офицеры... и курсанты. В тот момент, когда человечеству особенно требуется ваша защита, вы демонстрируете Тьма знает что! Где выучка, присущая

доблестному Войску Рубежа, где ваша сила и мощь?

– Так отправь нас обратно на Линию, Ром! – не выдержал кто-то из правого края строя.

– А работать кто будет? Я один за вас всех? – немедленно сменил пластинку майор, не поленившийся в очередной раз притащиться на импровизированный полигон по окончании своего рабочего дня. Его лейтенанты и капитаны тоже работали, причём начинали на этой неделе на час раньше, чтобы застать по крайней мере два часа светлого времени на плацу. Можете представить, как они все меня теперь “любили”. Но – никакой неуставщины. И дело было не в том, что я каждый вечер залечивал всем травмы после тренировки – изменённых среди подчинённых Ромара не было. Просто... мы служили в составе *действующей*, воюющей армии. И я, кажется, начал понимать, что это значит. И тренировки с этим пониманием очень помогли.

– К счастью, умные люди придумали замечательный способ повышения боевого духа без отрыва от штабной работы. – В голосе мутанта только глухой не расслышал бы злорадства. В ответ донеслись сдавленные стоны. – Десяток, нале-ево! С песней... Курсант Арн!

– Я, тащ майор!

– Пой молча. Десяток. С песней. Ш-шагом марш!

Петь молча. Маршировать. В армии не бывает бессмысленных приказов – в армии бывает мало хождения строем по плацу. Но любой офицер, если что, с радостью поможет

тебе в этом вопросе. Тебе и твоему десятку.

* * *

Ромар о живом оружии Лида явно знал несколько больше, чем жители королевств. На мой прямой вопрос, заданный перед первой тренировкой на плацу, он ответил так:

– Солдат должен выполнять приказ командира, потом думать. Без всяких условий. Кто не может – тому в составе Войска делать нечего.

Ну да, в случае смертельной угрозы для меня Таня наплюёт на любой приказ. Печать просто не оставит ей выбора. С другой стороны – мне же лучше: телохранитель, способный на равных потягаться с рубежником-мутантом, дорогого стоит. В спаррингах с майором один на один волкоухая толком не смогла достать противника, но и он её – тоже. А вот вдвоём на одного мы заставили матёрого воина, ничуть не потерявшего прыть на бумажной работе, порядком попотеть и отдать в ремонт изодранную буквально в ключья кольчугу. И это я ещё ни разу не пробовал задействовать свою Стихию в атакующем ключе, как против папочки: с регенерацией у замкома по тылу было куда лучше, чем у человека, но всё-таки до Кристиана он сильно в этом плане не дотягивал. А я не был уверен, что смогу превратить гниющий кусок мяса назад в старшего офицера. Опыт работы с внутренними органами тварей у меня был, но вот сначала *убивать* магией

дорогой биоматериал, а потом пытаться его спасти я как-то ни разу не додумался. Ну ничего, у меня, точно знаю, теперь будет *много* возможностей для экспериментов...

– Вот, Горец, принимай пополнение, – подтолкнул меня в спину Ромар. Рубежники... Я уже успел привыкнуть к тому, что формализм и чинопочитание в Войске удивительным образом соседствует с предельной фамильярностью и чуть ли не семейными доверительными отношениями. Только так и не смог понять, как сами “доблестные защитники человечества” определяют, в какой момент как общаться.

– Что за фрукт? – Горца, мужика, на мой взгляд, самого обычного на вид, без всяких характерных черт, ничуть не смутило, что я стою прямо перед ним.

– Это, понимаешь, *стажёр*, – вкрадчивым голосом “объяснил” майор. – Маг жизни Арн Миракийский. Ему на заставу Сим.

– Стажёр, значит... – в упор рассматривая меня, протянул логист.

– Так точно, товарищ лейтенант, – чётко стукнув правым кулаком по левому плечу, отозвался я.

– Я его погонял недельку, от сердца, можно сказать, ребят своих оторвал, чтоб натаскали, сам едва в бумагах не потонул. Зато смотри – орёл! И знаки различия теперь читать умеет, и щит на стене держать, и *петь*.

Не спрашивайте. Непереводимый армейский юмор – типа

ходить строем и петь для повышения мощи и силы. Тоже уже привык.

– Я передам Бассу, что для него у меня лично от тебя *подарок*, – пообещал лейт. – Лучше скажи мне, что *вот это* такое. На второго стажёра как-то не похоже.

Таня шевельнула ушами и нехорошо прищурилась – но этим все действия с её стороны и ограничились.

– Это? – Майор посмотрел на вытянутый палец сослуживца, провёл взглядом вдоль воображаемой линии целеуказания и уткнулся глазами в разумную химеру, стоящую у наших кобыл. – Личные вещи, снаряжение и иное имущество курсанта.

– Н-да? – Командир военно-транспортного каравана посмотрел в ту же сторону. – А почему я тогда вижу *бабу*?

Тонко очерченные крылья носа моей напарницы дрогнули. Я продолжал стоять навытяжку, удерживая лицо, только руку от плеча убрал.

– Обман зрения? – чуть подумав, предположил замкома тыла.

– В самом деле? – Рубежник-логист склонил голову набок. – Ну, тебе виднее, *командир*.

– Главное, ты как лошадей своих за баб начнёшь принимать, сразу рапорт пиши, – участливо и, как мне показалось, совершенно без иронии посоветовал ему Ромар. – У тебя увольнительные на три месяца не отгуляны.

– Чтобы у тебя логистика восточного сектора п... нехоро-

шим местом накрылась, Ром? – невесело хмыкнул Горец. – Оно тебе нужно? Особенно *сейчас*, когда... ну, ты сам знаешь.

Мужчины помолчали, не глядя друг на друга, потом лейтенант махнул мне рукой:

– Ладно, давай я тебе объясню, что к чему... и твоему *имуществу* тоже. И прекрати уже тянуться, не на плацу.

* * *

– Так, значит, слушать сюда: два раза объяснять не буду. Тебя это тоже касается... *собственность*, просто подъедь ближе, нечего ушами махать. – Караван миновал ворота штабной крепости, стены успели скрыться из виду – только после этого Горец решил дать обещанные объяснения. Нет, он не специально тянул – просто отправление своеобразного поезда из выючных лошадей под прикрытием конного охранения оказалось не такой уж простой процедурой. Добиться, чтобы никто не отстал, выстроить животных так, чтобы они не мешали друг другу, обнаружить и устранить проблемы в сбруе и подвесных системах...

– Позвольте представить, товарищ лейтенант: Таня, мой доверенный помощник, напарник и телохранитель. – Незаметно отрицательно качнув головой для волкоухой, я поспешил переключить на себя внимание недовольного офицера.

– Значит, хе... хреновый из тебя рубежник, стажёр, если

требуется телохранитель, – немедленно прицепился к словам логист.

– Так точно, тащ лейтенант!

Командир всегда прав. А если командир не прав – сначала выполни приказ, а потом уже... пиши рапорт. Да, за семь дней в меня не только работу со щитом вбили. К счастью, остальное вбивали словами, порой используя сильно непарламентские выражения, но всё же. Потому что в гвардии вбивают науку палками, а иногда просто офицерскими сапогами. В общем, к будущей звезде военно-полевой медицины (куда ж я денусь-то?) относились со всем бережением. Я оценил.

– Раз понимаешь, то я, пожалуй, не буду спрашивать, какой Тьмы ты здесь делаешь. – Моему обществу офицер был явно не рад. – Так просто тебя бы Ром не пропустил. Значит, были причины, неважно какие. Важно, что к службе на заставе ты ни хрена не готов. Скоростные ездовые химеры, ушастая в качестве... в каком ты там качестве её используешь – думаешь, это мощно, это здорово? Вот что я тебе скажу, стажёр: это ни хрена не так. У тебя вроде нормальная броня – хотя это ещё проверить надо, ты явно умеешь работать с копьём. Вот и всё, на что там, на первой линии ты можешь рассчитывать. Я понятно выразился?

– Так точно, – покорно согласился я. Надеюсь, голосом у меня сыграть получилось нормально, потому что никаких особых эмоций я от услышанного от лейта спича не испыты-

вал.

Наверняка на двадцатилетнего юнца, выросшего в дворянском поместье и получившего образование в корректном и вежливом Лиде, такое давление оказало бы эффект, да ещё какой – но я-то был им только биологически. А так на Земле я и фильмы смотрел, и в игры играл, в том числе и про военных, и книжки всякие читал. Плюс собственный опыт – что подчинённого, что руководителя... Горец сделал ту же ошибку, что и Ромар поначалу: видя мои скромные габариты, решил, что я как минимум не слишком силен. Зато по поводу ещё более хрупкой и изящной на вид Тани он таких иллюзий не испытывал.

Забавно, что сам военный логист тоже не казался образцом брутальности: не хилак, выше меня на полголовы, но на фоне некоторых своих подчинённых мог легко потеряться. Тоже вооружён коротким копьём с широким и остро отточенным наконечником – можно бить одной рукой и двумя. Именно с такими штуками отбывающие наказание офицеры защищали “стену” на плацу. Не самое приятное упражнение по смыслу: служит, чтобы выдавливать прорвавшуюся тварь назад за стену. Как представляю, *что* может атаковать заставу, если в качестве отражения дальнобойной атаки имитируются плевки гидры – сразу ужасно неуютно делается. Неуютно... да, пожалуй, это нужной настрой для разговора. А то, я чувствую, так и до конфликта дойти может, ес-

ли он Таню продолжит задевать. Пришпилить же офицера копьём *при исполнении* – это плохое начало службы. Совсем плохое.

Горец наконец-то увидел что хотел: признаки моей нервозности. Логист перестал давить взглядом и заговорил вновь, уже нормальным тоном:

– Посмотри внимательно на караван, стажёр, и скажи мне: чего ты не видишь?

– Химер. – После такой преамбулы и тупой бы догадался.

– А знаешь почему? Они ведь куда выносливее и быстрее, и грузоподъёмность великолепная. Хотя, конечно, не знаешь, иначе бы не попёр их сюда... Как бы тебе подходчивее... Ах да, ты же маг. Знаешь, что такое Тьма?

– Никто точно не знает, что это, – осторожно ответил я, решив не высказывать своих догадок. – Возможно, Стихия, возможно – другое обозначение дикой магии Шрама. Клирики Белой Церкви так условно обозначили то, что они посчитали противоположностью Света в чудовищах. Возможно, Тьма – причина мутаций.

– Противоположность Света, – задумчиво повторил за мной офицер, странно на меня посмотрев. – Пусть так. Хотя насчёт “никто не знает” – это ты хватил. Тебе не сказали – так правильнее.

Пришлось молча пожать плечами. В наличии двух уровней допуска к материалам в нессарийской вузовской библио-

теке я убедился сам, так почему не быть ещё несколькими градациям секретности?

– Противоположность, это ведь то же самое, только наоборот, верно? – зачем-то спросил у меня лейт и тут же сам ответил: – С Тьмой что-то в этом роде. Свет позволяет *разделять*, очищать что угодно, а Тьма – складывать, сливать воедино, загрязнять, если хочешь... Ты ведь в курсе, что церковники считают, что Свет есть в каждом?

– В каждом *человеке*, – поправил я. – И не считают, это действительно так.

Да уж, более наглядного доказательства, чем манифестация Маши, было трудно представить. Неодарённый человек, на котором только что Печать подчинения преспокойно стояла, на одной силе воли враз становится сильным Светлым – это... впечатляет.

– Мне казалось, в вашем университете такому не учат. – Горец неожиданно остро взглянул на меня.

Я вдруг понял, что кроме звания и должности о собеседнике толком ничего и не знаю. В принципе, наличие одарённости и даже прохождение манифестации я мог определить – чужая Стихия сопротивлялась бы моей. Но проверять это нужно было вблизи, находясь совсем близко, а лучше – вообще при прямом физическом контакте. Разумеется, маг попытку вторжения в свой организм почувствует – и она его, мягко говоря, не порадует.

– У меня был... разносторонний *личный* опыт, – не глядя в глаза старшему по званию, туманно объяснил я.

– То есть ты в курсе, что такое базовая стихия или *первостихия*, – сделал вывод лейтенант. – Замечательно. А то почему-то научные школы совсем не спешат просвещать своих аколитов, а Церковь – своих клириков. Прямо заговор молчания какой-то.

Упс. А ведь действительно, взаимодействию Стихий нас практически не учили. А про Свет я вообще большую часть известной мне информации почерпнул из беседы с отцом Митчеллом посреди лесной дороги.

– В общем, ты практически всё знаешь, – подытожил Горец. – Прими к сведению вот что. Первостихию можно сменить, углубившись в Шрам, стать, так сказать, *единым целым* с областью Тьмы. После подобной трансформации и начинаются *изменения*. У животных нет сознания, всё протекает проще, для человека, как правило, принятие Тьмы – глубоко волевой акт... неважно. Ты ухватил мою мысль, стажёр?

Знаете, это очень интересное ощущение: уехать чёрт-те куда из научной столицы этого мира, забраться в центр предельно милитаризованного укрепрайона, где местное человечество противостоит внешней угрозе, – и нарваться на лекцию о природе первостихий. Сказал бы “невероятное совпадение”, но... с Митчеллом мы же разговорились точно

так же. Кстати, и ведь не только с клириком так вышло: чуть ли не каждый встречный маг пытался меня чему-нибудь научить. Правда, тут дело скорее не во мне, а в образовательной системе: церковники ведь тоже когда-то от магического сообщества откололись. Наставничество и передача знаний между поколениями, можно сказать, прошита в культурном коде. Н-да. Получается, *уважаемый* товарищ лейтенант точно маг... Стоп, не о том думаю. Что до меня попытался донести собеседник?

– Переход от Света к Тьме может произойти без мощного внешнего давления, только из-за длительного пребывания под слабым воздействием? – медленно спросил я и сам себя перебил: – Нет, тогда бы охотников предупреждали о регулярной замене либо ротации химер. Переход от Света к Тьме вызывает отказ Печати вследствие изменения основы, на которую она была нанесена, и смерть гибридного организма. Но почему происходит переход там, где он не происходит у других животных и людей? Ведь по логике, если бы заставы были расположены в зоне, где уровень внешней Тьмы выше переходного, там должны и обычные лошади меняться.

– Направление мысли правильное, но неверное. – Видимо, армейский способ выражения мыслей за время службы въедается в плоть и кровь – куда там Тьме и мутациям. – Подсказываю: в твоих химерах до трёх четвертей ливера вынута из тварей. Контролирующая их магия держится толь-

ко за счёт постоянной подпитки из нормальных частей тела, иначе бы давно была поглощена. А ещё – за счет того, что извлечённые из когда-то целой твари части частями и остаются. Разрозненными частями... пока не появится что-то, способное эти части вновь *объединить*. Теперь понимаешь, что будет происходить с твоими живыми игрушками в области, где Тьма немного сильнее, чем обычно у границы Шрама?

* * *

– Таня.

– ...

– Таня...

– ...

– Это запрещённый приём, в конце концов. – Я обнял напарницу, сев рядом с ней на постель.

– Они сами лютуются, – неуклюже, каким-то детским движением, кулаком стёрла слёзы со щеки волкодевушка. Разумеется, на место кое-как убранной влаги тут же попала новая. – И не останавливаются!

– Ну-ну. – Я достал платок и сам стал аккуратно вытирать ей лицо, поддерживая голову левой рукой за подбородок. Вот только это почему-то не успокоило ушастую красавицу, а наоборот – словно капающий кран открыли.

– Хлюп. Хлюп-хлюп! – Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга, потом химера неуловимым движением

высвободила голову и даже не уткнула – боднула лицом меня в грудь. Рёбра отозвались протестующей болью, а Печать – перемигиванием соответствующих линий: броню я снял. Благо сделать это в форте второй линии можно было без-опасно, а комнату мне со всем возможным вежеством предложили занять сразу после того, как я закончил с местным лазаретом.

В этот раз никто не пытался разместить мою ушастую поближе к отдыхающей смене гвардии: рубежникам из карава-на выделили отдельное помещение, одно на всех, правда, и постарались больше к ним... *к нам* не лезть. Впрочем, ка-раванщики не расслаблялись: лейтенант Горец составил график дежурств в конюшне и на складе, куда временно сложи-ли снятую с лошадей поклажу. Мою инициативу с помощью гарнизону форта при этом пресекать не стал, лишь махнул рукой: делай, мол, что хочешь.

Многострадальные рёбра отозвались новой вспышкой бо-ли и, кажется, отчётливо хрустнули, а я непроизвольно вы-дохнул сквозь сжатые зубы: это Таня, не отрывая голову от моей груди, обняла меня. Вцепились – куда там пресловуто-му клещу.

– Я не смогу защитить тебя! – едва смог разобрать я слова сквозь всхлипы.

– Зато я тебя – смогу, – взъерошил я волосы на затылке своему живому оружию. – Ты же помнишь? Мы – семья. И я кое-что обещал тебе. А ты – мне. Мёртвая – не сможешь

исполнить обещание. А я ведь даже тебя спасти в случае чего не смогу.

Я поморщился: вторая линия геометрически замыкала разрыв в вале Шрама, но стоило мне сосредоточиться на своих ощущениях, как появлялась иллюзия, что моё тело обёрнуто тончайшей плёнкой или плотной, но невесомой паутиной. Дикая магия давила даже тут – а что будет впереди, на заставах? Мне, магу и человеку, ничего: принять Тьму можно, оказывается, только через *волевой акт*... что бы это ни значило. А вот лишённой полноценной естественной защиты волкодевушке – будет, и ещё как. Получившие подпитку от силы первостихии тёмные части организма начнут воздействовать на светлые, пытаясь растворить в себе линии Печати подчинения и слиться. В ответ светлая часть под управлением Печати будет препятствовать процессам, активно тратя жизненную энергию Тани.

Скажется ли это на силе, ловкости, скорости реакции химеры? А Тьма знает! Но даже если и нет – то ресурсы организма будут расходоваться впустую и со страшной скоростью. Но даже это ерунда по сравнению с главной опасностью: с внешней подпиткой имплантаты под постоянным давлением Печати могут в какой-то момент превратиться во что-то новое. И тогда... получится тот самый кусок гниющего мяса, в который я побоялся превратить Ромара. Это если Печать подчинения не сработает как система самоуничтоже-

ния, убирая возникшую на месте защитника угрозу. Твою ж мать!

– Утром возьмешь Вспышку и Зайку, все наши консервы. – Я прикинул грузоподъёмность обычной лошади. Впрочем, попытаюсь договориться разместить часть поклажи по выючным. – Сейчас пойду договорюсь о транспорте для себя и всего остального. Как можно скорее возвращайся в Лид. Крылатого почтальона выпущу сразу же, как только достигну заставы. Пусть живёт с вами в коттедже, строго раз в месяц будете его присылать. Письма буду писать заранее, к одному и тому же дню: ограничим контакт с дикой магией для ящерицы минимумом времени.

– ...

– Что?

– Ты будешь там один, – ослабив наконец хватку, повторила волкодевушка.

– Ну что ты, – улыбнулся я ей. – На заставах гарнизон больше сотни человек. Причём все – опытные бойцы, обученные сражаться как автономно, так и вместе. И вместе – лучше всего. Слышала же: рубежники *всегда* действуют заодно, потому-то они и справляются с такими тварями, что могут иные королевства опустошить. Не волнуйся, я никогда не останусь без прикрытия. И уж точно на рожон по-глупому не полезу.

Лейтенанту тоже выделили отдельную комнату – правда, по сравнению с моей его каморка казалась натуральной кладовкой. Своей способности манипулировать Стихией он никому не продемонстрировал, плаща не носил – вот местное начальство и отнеслось соответствующе. Отжалело простолюдину от щедрот-с. Это притом, что место в башнях было, включая комфортабельные апартаменты: даже тут, фактически на линии соприкосновения с враждебной людям магической аномалией, дворяне-офицеры желали жить с максимальным комфортом.

По-хорошему, нужно было договариваться о месте в караване ещё днём, сразу же, но сначала я решил всё-таки добираться до пункта конечного назначения так, как ехал. Да, для здоровья Тани, Вспышки и Зайки в свете новых сведений такой контакт с Тьмой был бы не особенно полезен. Но я был уверен: запаса прочности организмов хватит с лихвой. В конце концов, дуга из застав располагалась лишь немногим дальше от фортов второй линии, чем я уходил от вала при охоте на нарийца. А на такое расстояние периодически заходили охотничьи группы из Рении. Обычные группы, я имею в виду, а не те специальные, что были заточены под глубокие рейды. Однако уже в виду стен фортов, в одном из которых мы должны были остановиться на ночь, уровень дикой магии

быстро пополз вверх, начав ощущаться физически. В итоге я так и не смог толком полюбоваться чередой не таких уж маленьких крепостей, вытянувшихся в линию поперёк степи. А зрелище того стоило.

Форты второй линии явно строились так, чтобы при желании гарнизоны можно было удвоить. Или принять отряды рубежников, выжатых волной тварей с первой линии во время большого выплеска – такое, как я понимаю, происходило регулярно, раза три за столетие. Остатки отрядов, точнее – пережить сначала удар враждебной базовой Стихией, а потом волны окончательно взбесившихся тварей было скорее вопросом везения, чем воинской выучки. Именно в такой ситуации оказался Кристиан, когда Лилиана готовилась разрешиться от бремени. Выплеск-то он пережил, но окончательно тронулся головой, похоже. Причём не уверен, что это было связано с мутацией – вон Ромар вполне себе адекватным мужиком оказался...

– Не помешаю, товарищ лейтенант? – Я вежливо поступался, прежде чем приоткрыть дверь.

– К старшему по званию нужно обращаться по Уставу, стажёр, – не глядя на меня, поправил офицер. – Или будешь драить сортиры, несмотря на... Ну, говори, чего нужно?

– Конь и место для сумок, тащ командир, – чётко и по существу доложил я, вытягиваясь по стойке “смирно” и одновременно разглядывая разложенные перед Горцем детали.

Две тонкие пружины, скобы, детали рамы, частично разобранный массивный корпус с пистолетной рукояткой без приклада... и совершенно поземному выглядящий магазин под патроны. Снаряжённый. Точнее, из той части магазина, что вставлялась в корпус артефактомёта, выглядывали бока расположенных в шахматном порядке одноразовых артефактов, на патроны, думаю, только похожих. Но похожих достаточно сильно: цилиндрическая форма, коническая головка...

– Внял голосу разума? – Лейт поднял на меня глаза, взмахом отдав команду “вольно”. – Найдётся для тебя коняга, и груз пристроим... Что, знакомая штука?

– Близо видел всего раз, – честно признался я, мысленно стараясь представить, как детали извлечённого механизма будут действовать в сборе. Не самая сложная задачка для того, кого учили из органов собирать новые организмы. – Он что, *автоматический*?

Под долгим, внимательным взглядом мужчины мне стало слегка не по себе.

– *Разносторонний* личный опыт, как я понимаю?

– Он самый, товарищ лейтенант, – со вздохом подтвердил я. Мне определённо удалось обратить на себя внимание мага-рубежника второй раз. Хорошо это или плохо? Да чёрт разберёт, но скорее первое. Пока от коллег по цеху я видел только хорошее. В свою сторону, я имею в виду.

– Интересный ты человек, Арн, – скупой улыбнулся военный логист. – Если не помрёшь по-глупому в ближайшие

полгода, пиши рапорт Рому на перевод к нам, в дивизион поддержки. Работы будет выше крыши, предупреждаю сразу, но лучше при штабе штаны просиживать и караваны водить, чем задницу под зубы тварей на заставе подставлять. Как считаешь?

Глава 4

Даже самый лучший шлем здорово урезает восприятие окружающего мира, и никак этого не избежать. Тот, что входил в комплект ренийской брони, был одним из лучших: прозрачное композитное забрало гораздо меньше сужало поле зрения, чем металлическое со смотровыми щелями, а система звукопроводения вообще почти полностью возвращала возможность слышать так, словно я ехал без горшка на голове. Тем не менее, я себя чувствовал предельно некомфортно: как человек, снявший очки на ночь и воткнувший в уши беруши. Шлем, правда, тут был совсем ни при чём, но подспудное желание его стянуть всё равно не пропадало – рука так и тянулась к фиксирующему ремешку. Если бы это хоть что-то могло изменить... Я легонько тронул каблуками сапог лошадиные бока... и не получил никакой реакции. Стукнул сильнее – кобыла вздрогнула, но скорость движения даже не подумала нарастить. Только когда я пнул её, не сдерживая силы, она наконец соизволила перейти с неспешной рыси на тряский галоп. М-мать, ещё и это теперь...

Первую химеру, Милку, я смог позволить себе купить уже через несколько месяцев работы охотником. Это было верное решение – кроме послушного, бесстрашного транспорта я получил ещё и живой детектор изменённых. Потом появилась Вспышка, она существенно усилила мой боевой по-

тенциал и множество раз вытаскивала своего седока из опасных, иногда совершенно безнадёжных ситуаций. Вспомнить хотя бы ещё раз поиски Купы в герцогстве Берг: не уверен, что собака бы справилась, а белая умница – смогла. А уж когда я выкупил и привёл в порядок Таню, имеющую к физической силе и сверхчеловеческой чуткости ещё и такую же быструю реакцию, усиленную полноценным сознанием, – у границы Шрама не осталось врагов, которым мне нечего было противопоставить. И вот я собственными руками в один миг лишил себя этого всего. Считай, больше чем наполовину ослеп и оглох, лишился трёх (именно трёх!) союзников. Неудивительно, что рубежники предпочитают сражаться пешими – без полноценного взаимодействия с партнёром (не просто транспортом) грош цена всем боевым умениям.

Сказать, что я чувствовал себя не в своей тарелке – это значит ничего не сказать. К счастью, о глубине задницы, в которой в очередной раз оказался, я стал задумываться только после того, как мы с Таней распрощались утром у ворот. Иначе, боюсь, волкоухая от меня бы просто не уехала – Печать подчинения позволяла проигнорировать даже прямой приказ, если речь шла о защите жизни хозяина. Однако я сумел убедить напарницу, да и самого себя заодно, что на заставе я буду настолько же в безопасности, как и с ней. Ну как же, могучие рубежники сдерживают своими копьями и мечами давление тварей, первыми принимая на себя удар, – и те послушно дохнут. Не зря же те же воины Войска смотре-

ли на мою разумную химеру как на девушку: никакого восхищённого преклонения перед живым оружием Лида, не то что у гвардейцев. Вот только меня этот факт теперь, вне стен покинутой поутру крепости, больше ничуть не успокаивал.

После пересечения второй линии укреплений порядок движения каравана изменился. Выючные лошади по-прежнему двигались так, как их приучили – друг за другом, но теперь уже в основном сами – погонщиков осталась едва ли треть. Рубежники парами отъезжали от колонны во всех направлениях, закладывали по степи петли разной протяжённости, возвращались, временно занимая своё место у движущегося груза. Но даже рядом с караваном на выючных животных внимания почти не обращали – все взгляды были обращены вовне. И были эти взгляды очень, очень напряжёнными. Шутки кончились.

Горец ехал в районе головы процессии, именно его я и попытался догнать. Похоже, мне досталась одна из выючных кобыл – спокойная и флегматичная, она упорно пыталась притормозить и пристроиться в общую линию, и мне постоянно приходилось её то понукать, то дёргать за уздечку, поправляя траекторию движения. Учитывая, что я тоже пытался следить за окрестностями, бесило такое пассивное, но постоянное сопротивление дико. Но я держался – не хватало только вылететь из седла, огрев заупрямившийся живой транспорт для остратки плёткой. Да и не нужна мне была плетка,

честно говоря – болевые ощущения маг Жизни может доставить, так сказать, без посредников...

Увидев начало каравана, лошадь занервничала, стала всхрапывать, ни в какую не желая и дальше двигаться вперед. Я уже на полном серьёзе начал прикидывать, как прямо сейчас воздействовать на её скудный мозг, чтобы напрямую задавать вектор и скорость движения, минуя промежуточные стимулы. К счастью, лейтенант заметил меня раньше и подъехал сам.

– Дозоры заметили небольшую группу диких горных овец и винторогих сайгаков, – легко угадав, что меня больше всего интересует, с ходу прояснил логист. – Хороший знак, судя по всему, хищников Шрама поблизости пока нет.

Глядя на открыто выглядывающую из поясной кобуры рукоять артефактомета, я несколько успокоился: на крайний случай у нас был ультимативный аргумент.

– Здесь ещё можно пользоваться метателем огня или уже нет? – решил я прежде всего прояснить важный момент. Попытавшись сосредоточиться на ощущениях тела, чтобы почувствовать давление дикой магии, я аж передёрнулся: теперь уже кожа ощущала не тончайшую плёнку, а натуральную пергаментную бумагу, неслышно похрустывающую на каждом движении.

– Думаю, шар огня потеряет стабильность метров через пятнадцать-двадцать после того, как покинет ствол, – что-то прикинув, сообщил мне старший по званию. – Вряд ли это

понадобится, но на всякий случай предупреждаю: перед тем как стрелять, лучше спешиться. Твоя лошадь не подготовлена для рейдов, от близкого разрыва может понести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.